

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 15 АПРЕЛЬ 1977

Василий Персук, гвардеец весенней посевной.

Мастера засевают поле в считанные часы.

К Р Ы Л Ь Я

В колхозном детском саду.

Председатель колхоза имени Ленина В. Г. Омельченко и его наставник колхозный ветеран А. П. Луценко.

ВЕСНЫ

Н. БЫКОВ

Фото А. НАГРАЛЬЯНА

По утрам в кубанском городе Тимашевске хорошо слышна весенняя морзянка невидимых жаворонков. Звонкоголосые птицы поднимаются над степью вместе с солнцем — все выше и выше с каждым мгновением, устремляясь к ослепительной голубизне зенита. Степь широко, всеохватно окружает

город, и город живет жизнью степи, ее звуками, запахами, красками. На крыльях весны врываются в город и в поля южные сырые ветры, гонят зеленые волны поблескивающей озими, сбивают ранний цвет с абрикосов, словно играючи разбрасывают окрест теплые дожди. Гремит над сиреневыми далями, над белостенными кварталами степного города Тимашевска взрывная песня ликующих жаворонков: «Весна идет, весне дорогу!»

А весна нынче на Кубани особая. Такой, пожалуй, и не бывало. События серьезные и знаменательные предшествовали ее вторжению. В феврале, в самый канун тепла и обновления, было опубликовано постановление ЦК КПСС «Об организаторской и политической работе Краснодарского крайкома партии по выполне-

нию решений XXV съезда КПСС». В нем была отмечена значительная работа, проводимая крайкомом, его усилия, сосредоточенные на ключевых проблемах развития производительных сил Кубани — славной житницы страны. Вместе с тем Центральный Комитет указал, что богатые природные ресурсы Кубани, ее благоприятные почвенно-климатические условия используются недостаточно. Коммунисты Кубани, трудящиеся края приняли постановление ЦК КПСС как руководство к действию. Первый секретарь Краснодарского крайкома партии С. Ф. Медунов сказал на пленуме крайкома партии, состоявшемся в марте:

— Невозможно переоценить значение постановления ЦК КПСС. Мобилизующая сила его определяется тем, что Центральный Комитет

Встреча на Внуковском аэродроме.

Фото А. Нагальяна

КРЕПНЕТ БРАТСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

По приглашению ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства 4 апреля в Москву прибыл с неофициальным дружеским визитом Первый секретарь ЦК Компартии Кубы, Председатель Государственного совета и Совета Министров Республики Куба Фидель Кастро Рус. Вместе с ним прибыли член Политбюро и Секретариата ЦК Компартии Кубы, заместитель Председателя Государственного совета и Совета Министров Республики Куба К. Р. Родригес, члены ЦК Компартии Кубы О. Сьенфуэгос, Х. Наранхо, Х. Абрантес, Р. Вальдес Виво.

На Внуковском аэродроме Ф. Кастро встречали Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, члены ЦК КПСС Б. П. Бугаев, К. В. Русаков, Н. А. Щелоков, член Центральной ревизионной комиссии КПСС А. И.

сосредоточивает внимание коммунистов, трудящихся края на нерешенных проблемах, конкретизирует и уточняет предстоящие задачи, указывает пути их реализации.

Как никогда, повышается отныне роль орденосной Кубани — зоны устойчивого высоко-товарного сельского хозяйства, крупного центра по промышленной переработке сельскохозяйственных продуктов. Труженики станиц и степных городов Краснодарского края обязались к концу нынешнего пятилетия произвести 9,5 — 10 миллионов тонн зерна, в том числе один миллион тонн риса.

Весна начала свой отсчет времени! Уже в этом году кубанцы обещают взять в среднем с каждого гектара по тридцать шесть центнеров зерна. Возможно ли такое? Обнадешивает то, что в прошлом году сто сорок кубанских хозяйств намолотили на круг по сорок, пятьдесят и более центнеров хлеба. С каждого гектара! Идущим по следу передовиков — держать и держать!

Развернувшееся в крае новое патриотическое движение за получение наивысших урожаев зерна, подсолнечника, сахарной свеклы, овощей и других культур с большим интересом и удовлетворением встретил Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев. В своем письме Краснодарскому крайкому КПСС и крайисполкому Л. И. Брежнев от всей души пожелал земледельцам Кубани больших успехов в выполнении творческих замыслов, осуществлении решений XXV съезда КПСС и достойной встречи всенародного праздника — 60-й годовщины Великого Октября.

Широко используя достижения науки, техники и передовой практики, повышая культуру земледелия, мастера урожаев взялись получить в 1977 году с каждого гектара более пятидесяти центнеров зерна пшеницы, по сто центнеров риса, по семьдесят пять — сто центнеров кукурузного зерна, по пятьсот центнеров сахарной свеклы. И это на площади звеньев, бригад, отделений, а то и целых хозяйств! Смелая заявка на то, чтобы рекорды стали нормой для всех полей.

«Особенно радует то, — писал в своем письме кубанцам Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев, — что почин отдельных передовиков, добивающихся наивысшей урожайности, нашел широкую поддержку и в это движение теперь в крае уже включились 1060 звеньев, бригад, отделений, многие колхозы и совхозы в целом. Соревнование за максималь-

ные сборы продукции с каждого гектара становится все более массовым».

...Механизированные звенья мастеров высоких урожаев сахарной свеклы вывели свои агрегаты на хорошо обработанные весенние поля. Колхоз имени Ленина Тимашевского района — хозяйство высокой культуры земледелия. И пшеничная степь, и только что засеянные яровыми поля — гордость главного агронома Василия Евсеевича Романова. Колхоз этот знаменит прочной экономикой, добрыми делами хлеборобов. Здесь более двадцати лет председательствовал Алексей Павлович Луценко, которого только что торжественно проводили на пенсию. И вот отгремели аплодисменты благодарных колхозников, подарочный цветной телевизор отправлен домой, а голова артели — теперь бывший голова — Алексей Павлович, как и прежде, торопится в поле. На этот раз вместе с новым председателем Василием Георгиевичем Омельченко. Алексея Павловича можно понять: весна нелегкая, слова сказаны ответственные и решительные, поэтому и волнуется за первый старт своего воспитанника А. П. Луценко.

Но в поле, как всегда, идет спорная весенняя работа. Все на местах! И звеньевой свекловодов Виктор Дмитриевич Каракай, и тракторист Василий Персук, и управляющий лучшим отделением Анатолий Юрьевич Калоша, и агроном Иван Пантелеевич Самсонов — все они с восхода до заката в деятельном и увлеченном напряжении. Весна торопит, и спросит осень строго! Агрегаты в считанные часы, согласно графику, избороздили свекловичные плантации. И сев закончен.

— Ну как, будут пятьсот центнеров?

— Будут! Наше слово верное. Кубанское слово!

А под высоким, чистым небом раскинуты сильные и быстрые крылья весны!..

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

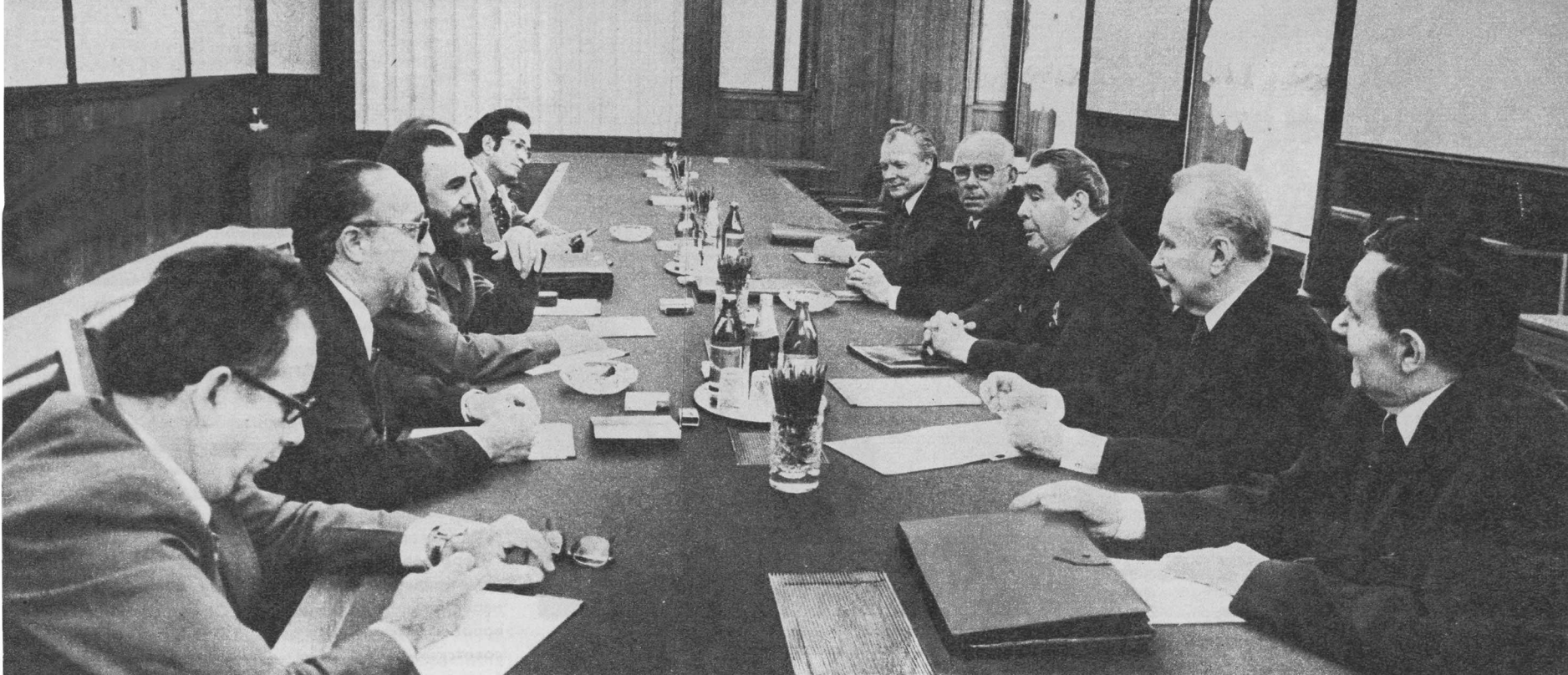
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля
1923 года

№ 15 (2596)

9 АПРЕЛЯ 1977

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА». «Огонёк». 1977

Во время беседы.

Фото В. Мусаэльяна (ТАСС)

Блатов, заместитель заведующего отделом ЦК КПСС Г. Х. Шахназаров. Среди встречавших находились посол Республики Куба в СССР С. Агирре дель Кристо, дипломатические сотрудники посольства.

5 апреля состоялась дружеская встреча Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева с Первым секретарем ЦК Компартии Кубы, Председателем Государственного совета и Совета Министров Республики Куба Ф. Кастро Рус.

В беседе приняли участие: с советской стороны — член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, а также член ЦК КПСС, заведующий отделом ЦК КПСС К. В. Русаков и член Центральной ревизионной комиссии КПСС, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. И. Блатов;

с кубинской стороны — член Политбюро ЦК Компартии Кубы, заме-

ститель Председателя Государственного совета и Совета Министров Республики Куба К. Р. Родригес, член ЦК Компартии Кубы, секретарь Совета Министров Республики Куба О. Сьенфуэгос и член ЦК Компартии Кубы, заведующий Международным отделом ЦК Компартии Кубы Р. Вальдес Виво.

В центре внимания участников переговоров был широкий круг вопросов дальнейшего укрепления братского советско-кубинского сотрудничества.

В ходе беседы состоялся также обмен мнениями об актуальных проблемах международной жизни, углублении разрядки напряженности и ее распространении на все районы мира. Подчеркивалось, что характерной чертой современного развития становится все более тесная взаимосвязь задач упорочения мира с задачами борьбы за свободу и независимость народов.

Беседа прошла в атмосфере дружбы, сердечности и полного взаимопонимания.

БЕСЕДА Л. И. БРЕЖНЕВА И А. А. ГРОМЫКО С ГОСУДАРСТВЕННЫМ СЕКРЕТАРЕМ США С. ВЭНСОМ

30 марта в Кремле состоялась беседа Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева и члена Политбюро ЦК КПСС, министра иностранных дел СССР А. А. Громыко с государственным секретарем США С. Вэнсом.

Были обсуждены итоги состоявшихся советско-американских переговоров, в ходе которых был рассмотрен широкий круг вопросов, касающихся отношений между СССР и США, и некоторые международные проблемы.

Условлено, что стороны продолжают обмен мнениями по ряду обсуждавшихся вопросов, и прежде всего связанных с заключением

нового соглашения об ограничении стратегических вооружений.

На беседе присутствовали: с советской стороны — посол СССР в США А. Ф. Добрынин, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров и заместитель министра иностранных дел СССР Г. М. Корниенко; с американской стороны — посол США в СССР М. Тун, директор агентства по разоружению и контролю над вооружением П. Уорнке и заместитель государственного секретаря США Ф. Хабиб.

31 марта государственный секретарь США Сайрус Р. Вэнс отбыл из Москвы.

Перед началом беседы.

Фото
В. Мусаэльяна (ТАСС)

Перед началом переговоров.

Телефото В. Будана (ТАСС)

В ОБСТАНОВКЕ ДРУЖБЫ И ВЗАИМОПОНИМАНИЯ

По приглашению Председателя ФРЕЛИМО, Президента Народной Республики Мозамбик Саморы Моизеса Машела с 29 марта по 1 апреля 1977 года в Народной Республике Мозамбик с официальным дружественным визитом находился член Политбюро Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, Председатель Президиума Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик Н. В. Подгорный.

Состоялись переговоры между членом Политбюро ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорным и Председателем ФРЕЛИМО, Президентом НРМ Саморой Моизесом Машелом.

Переговоры проходили в обстановке полного взаимопонимания, сердечной дружбы и интернациональной солидарности. Они охватывали вопросы, касающиеся развития дружественных советско-мозамбикских связей и сотрудничества, а также проблемы, относящиеся к современной обстановке в Южной Африке, в частности, и международного положения в целом.

31 марта состоялось подписание советско-мозамбикских документов.

Договор о дружбе и сотрудничестве между СССР и НРМ подписали: за Союз Советских

Встреча на Шереметьевском аэродроме.

Во время переговоров.

С ОФИЦИАЛЬНЫМ

4 апреля в Москву по приглашению Советского правительства прибыл с официальным визитом Премьер-Министр Тунисской Республики, Генеральный секретарь Социалистической дустуровской партии Хеди Нуира.

На аэродроме Премьер-Министра встречали член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, Председа-

тель Совета Министров РСФСР М. С. Соломенцев, а также заместитель Председателя Совета Министров СССР В. Н. Новиков, министры СССР, другие официальные лица.

Высокого гостя встречали представители трудящихся Москвы.

5 апреля в Кремле состоялись переговоры между членом Политбюро ЦК КПСС, Пред-

седателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным и Премьер-Министром Тунисской Республики, Генеральным секретарем Социалистической дустуровской партии Хеди Нуирой.

В ходе переговоров, проходивших в дружественной обстановке, стороны высказались за дальнейшее укрепление равноправного со-

Юрий КОРНИЛОВ

Социалистических Республик — Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный; за Народную Республику Мозамбик — Президент НРМ С. Машел.

Совместное советско-мозамбикское заявление подписали Н. В. Подгорный и С. Машел.

Консульская конвенция между СССР и НРМ была подписана заместителем министра иностранных дел СССР Л. Ф. Ильичевым и министром иностранных дел НРМ Ж. Чиссано.

2 апреля Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный по приглашению Президента Сомали Мохамеда Сиада Барре сделал кратковременную остановку в Могадишо для неофициальной встречи с Президентом СДР.

3 апреля состоялась встреча члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорного с Генеральным секретарем Центрального Комитета Сомалийской революционной социалистической партии, Президентом Сомалийской Демократической Республики Мохамедом Сиадом Барре.

Во время бесед были обсуждены вопросы развития советско-сомалийских отношений. Состоялся также обмен мнениями по актуальным международным проблемам.

Фото А. Гостева

ВИЗИТОМ

трудности между обеими странами в интересах советского и тунисского народов. Особое внимание на переговорах было уделено положению на Ближнем Востоке. Стороны, отметив совпадение в основном своих позиций по данному вопросу, подтвердили решимость продолжать энергичные усилия для достижения всеобъемлющего урегулирования в этом районе.

Поворот к лучшему, который наметился в отношениях между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки в предшествующие годы, не только отвечал интересам народов наших двух стран, но и стал существенным фактором в общем процессе разрядки международной напряженности. Вполне закономерно поэтому, что состояние и перспективы дальнейшего развития советско-американских отношений вызывают большой и пристальный интерес во всем мире. Закономерно и то, что итоги недавнего диалога Москва — Вашингтон остаются в центре внимания международной общественности и прессы.

Отклики на этот диалог, разумеется, различны: они зависят от того, чью точку зрения выражает тот или иной орган печати, какие силы за ним стоят. Но если выделить из них основное, можно с уверенностью сказать: многие политические, общественные деятели разных стран, наблюдатели единодушны в том, что Советский Союз продемонстрировал на переговорах добрую волю и конструктивный подход и если переговоры не увенчались успехом, то ответственность за это целиком лежит на другой стороне.

Известно, что на протяжении последних лет Советский Союз, верный своей политике мира, последовательно и настойчиво выступал и выступает за ограничение развязанной империалистическими силами гонки вооружений, за разоружение, вплоть до всеобщего и полного. Наша страна твердо проводит этот миролюбивый курс на международной арене; тому есть убедительные свидетельства: только за последние годы СССР внес на рассмотрение международных организаций и правительств других стран более 70 важных предложений, направленных на упрочение разрядки, на разоружение. Этого же курса СССР твердо придерживается и в своих отношениях с США, настойчиво добиваясь завершения подготовки нового соглашения по ограничению стратегических наступательных вооружений. При этом Советский Союз исходит из того, что объективная возможность завершить работу над таким соглашением налицо, требуется лишь не отбрасывать то, чего ценой больших усилий удалось добиться в результате известной советско-американской встречи во Владивостоке, а опираться на созданную уже основу.

Соединенные Штаты Америки устами своего нового президента Дж. Картера и государственного секретаря С. Вэнса, со своей стороны, объявили о стремлении ограничить гонку стратегических наступательных вооружений и даже «пойти дальше» в деле разоружения. Однако, как показывают факты, за этими широкообещательными обещаниями не последовали соответствующие дела. Анализируя содержание так называемого пакета, с которым побывал в Москве С. Вэнс, международные наблюдатели отмечают: содержащиеся в нем предложения не только не отвечают владивостокской договоренности, но, напротив, являются попыткой подвергнуть эту договоренность ревизии — и, разумеется, не бескорыстно. Естественно, Советский Союз вынужден был отвергнуть подобного рода «предложения». Принципиальная позиция СССР хорошо известна: наша страна — за деловые, серьезные, конструктивные переговоры по разоружению, но Советский Союз может вести дела только на основе равенства, он давал и будет давать твердый отпор всем попыткам добиться односторонних преимуществ в ущерб интересам безопасности Советской страны, ее союзников и друзей.

Сейчас из США доносятся голоса, пытающиеся представить дело так, будто Вашингтон выступает чуть ли не с некой «всеобъемлющей» программой обуздания гонки вооружений, а вот Москва-де от этой программы отказывается. Что ж, коль скоро кое-кому в Вашингтоне хотелось бы, что называется, свалить ответственность с большой головы на здоровую, нелишне напомнить, как обстоит дело в действительности. Известно, например, что определенные американские круги, разглашая о необходимости покончить с ядерной угрозой, в то же время отвергают предложение государств Варшавского Договора о том, чтобы все страны — участницы общеевропейского совещания взяли на себя обязательство не применять первыми ядерного оружия друг против друга. Те же круги на словах ратуют за запрещение новых видов оружия массового уничтожения, однако отвергают проект соответствующего международного договора, внесенный СССР на рассмотрение ООН, отстаивают необходимость производства стратегического бомбардировщика «Б-1» и подводной атомной лодки «Трайдент». Мы уж не говорим о том, что именно в США была развязана провокационная шумиха сначала о мифической «советской угрозе», а затем о мнимом «нарушении прав человека» в СССР, хотя инициаторы этой шумихи не могут не понимать, что оголтелая пропагандистская кампания, напоминающая настоящую психологическую войну против СССР, отравляет атмосферу, мешает ведению переговоров.

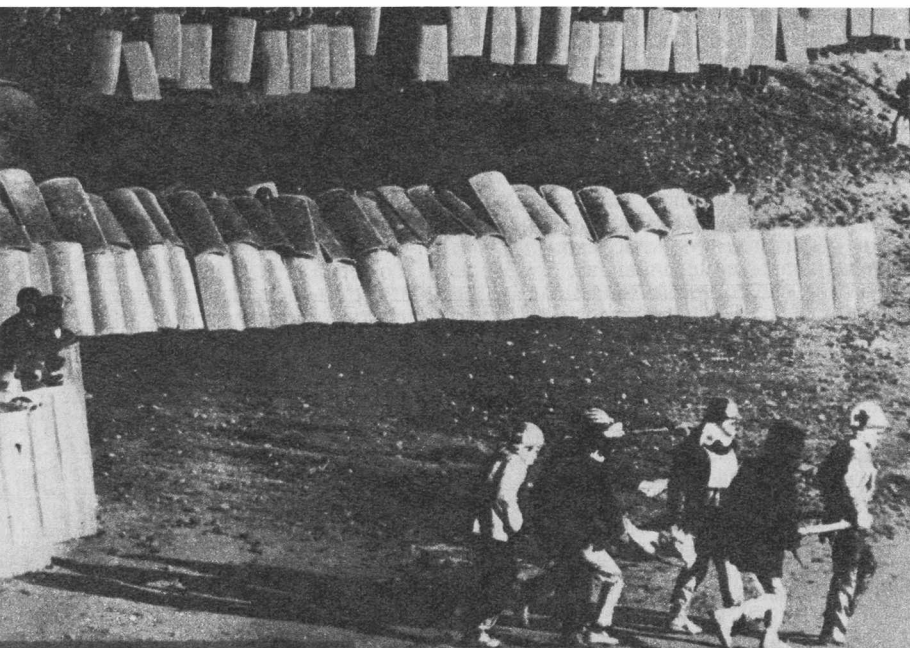
Сказанное, разумеется, не означает, что на пути развития советско-американских отношений, на пути, ведущем к обузданию гонки стратегических вооружений, существуют непреодолимые препятствия. Отнюдь нет! Но тем, от кого это зависит в Вашингтоне, следует в полной мере отдавать себе отчет в том, что продвижение вперед возможно лишь при условии, если руководство Соединенных Штатов станет на более реалистические позиции. В заявлении при встрече С. Вэнса, возвратившегося в Вашингтон из Москвы, президент США сказал, что правительство США делает все возможное, чтобы «укрепить отношения дружбы и взаимного доверия с советскими руководителями». Было бы хорошо, если бы за этими словами последовали конкретные дела.

Что же касается Советского Союза, он готов — в той мере, в какой готовы США, — находить взаимоприемлемые решения существующих вопросов в двусторонних отношениях и в деле урегулирования международных проблем. Как подчеркнул, выступая на XVI съезде профсоюзов СССР, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, «конструктивный, реалистический подход другой стороны всегда встретит у нас понимание и готовность договориться».

Арест участника выступления против апартеида в ЮАР.

Токио. Демонстранты уносят жертву полицейской расправы.

Фото ТАСС

ДЕМОКРАТИЯ ПОЛИЦЕЙСКОЙ ДУБИНКИ

Поднятая определенными кругами Запада шумиха о якобы существующих в социалистических странах «нарушениях прав человека» преследует своей целью прикрыть отсутствие демократии в странах капитала, отвлечь трудящихся от острых экономических и политических проблем, раздирающих всю капиталистическую систему. Народы хорошо знают, что капитализм является обществом эксплуатации и неравенства, безработицы и коррупции, расового угнетения и аморальности, что именно капитализм попирает человеческие права, в том числе священное право человека на самую жизнь. Об этом свидетельствуют факты: тысячи убитых в Чили и

Северной Ирландии, многочисленные жертвы расправ над борцами за права коренного населения в Родезии, ЮАР, на оккупированном Западном берегу реки Иордан, убитые, раненные и арестованные в результате разгонов демонстраций в США, Японии, ФРГ и других капиталистических странах.

Произвол и бесправие — таковы самые характерные черты капиталистической системы, разные полюса которой представляют эксплуататоры и угнетенные. Выступления трудящихся в защиту жизненных интересов жестоко подавляются. Нередко их пытаются заставить замолчать лишением свободы, силой оружия.

Это не Берлин 30-х годов, это Чикаго наших дней.

США

НАЦИСТСКИЙ ШАБАШ

Нацистскую литературу, фашистские регалии, штандарты, разукрашенные свастикой, — все атрибуты неонацистской партии можно легко приобрести в США. Стоит только заказать специальный почтовый бланк, и через несколько дней почтальон вручит заказ. На полках оружейных и охотничьих магазинов можно найти в широком ассортименте гитлеровские фуражки, шлемы, плакаты, знамена, нацистскую форму и ордена. Последыши Гитлера в США усиленно рекламируют себя и свою человеконенавистническую идеологию.

Корреспондент одного американского журна-

ла, побывавший в штаб-квартире неонацистской партии в Арлингтоне, так описывает собрание членов этой партии: «Собравшиеся давали торжественную клятву на верность «бессмертному фюреру расы, надежде и будущему арийского человека». Они гордо взирали на своих детей, иступленно кричащих «Хайль Гитлер!».

Но неонацисты не ограничиваются только саморекламой и разнузданной пропагандой. Нет, они действуют. Недавно жители Чикаго, к своему удивлению, увидели марширующих штурмовиков на одной из центральных площадей города. На них были надраенные до блеска сапоги, военные галифе, портупеи и форменные фуражки, на рукавах — свастика. Фашисты из легально существующей национал-социалистической партии белых собрались на свое очередное публичное собрание. Эта сходка вызвала возмущение и протест горожан, которые потребовали прекращения нацистского шабаша. В ответ фашистские молодчики стали избивать горожан. Местная полиция, в рядах которой немало симпатизирующих нацистам, спокойно взидала на бесчинства фашистов, ни один из громил не был арестован.

Свастику и фашистские лозунги можно видеть не только в Чикаго. Колонны нацистов все чаще маршируют по улицам Бостона, Милуоки, Майами и многих других городов США. Ведь по канонам американской «демократии» это вполне нормальное явление.

КАТАСТРОФА В САНТА-КРУС

Вечером в аэропорту Санта-Крус на Канарских островах раздался сильнейший взрыв, и черное южное небо осветилось заревом пожара. На взлетно-посадочной полосе столкнулись два пассажирских самолета — голландской компании КЛМ и американской «Пан-Америкэн», на борту которых находились 645 человек.

В зарубежной прессе высказываются различные версии относительно причин этой крупнейшей авиакатастрофы за всю историю гражданской авиации. Согласно

одной из них, в условиях плохой видимости (густой туман) самолет «Пан-Америкэн» выруливал на взлетно-посадочную полосу, когда навстречу ему стремительно несся самолет КЛМ, которому была дана команда на взлет. Попытка экипажа самолета КЛМ преждевременно оторваться от земли и тем самым избежать столкновения не удалась. В результате катастрофы голландский авиалайнер взорвался. Все 248 человек, находившиеся на его борту, погибли. Самолет американской авиакомпании развалился на части, что, по-видимому, и спасло группу его пассажиров и нескольких членов экипажа, всего 72 человека. Столкновение и последовавший за ним взрыв были настолько сильными, что некоторые части американского самолета были найдены даже за территорией летного поля. Более семи часов продолжалась схватка с огнем.

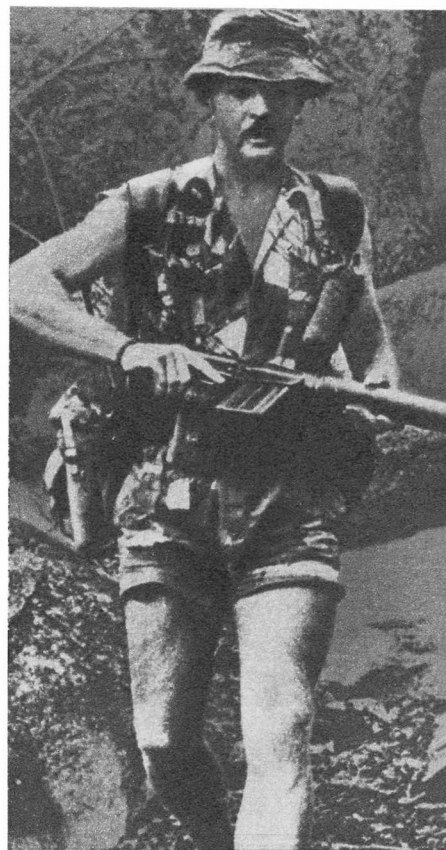
На месте катастрофы.

Фото АП — ТАСС

НАЕМНИКИ РАСИЗМА

Казалось, разгром наемного воинства в Анголе, завербованного в ряде западных стран и отправленного на выручку империалистическим марионеткам, послужит уроком для любителей острых ощущений. Однако коротка память у наемников. Теперь уже ландскнехты набираются для подавления национально-освободительного движения в другой африканской стране — Родезии. Усиливающаяся борьба народа Зимбабве заставляет режим Смита в спешном порядке искать «пушечное мясо» за границей. Живой товар завлекают радужными посулами агенты по вербовке. Они рыскают во многих странах в поисках наемников. Так, в Англии многие британские военнослужащие получают рекламные объявления с призывом отправиться в Родезию. К английским солдатам, патрулирующим улицы католического гетто городов Северной Ирландии, пристают назойливые субъекты, склоняя их отправиться защищать «западную цивилизацию» в лице расистского режима Яна Смита. По сообщению английской газеты «Санди таймс», за последние четыре года приблизительно 800 иностранцев, главным образом из Англии и США, подписали контракты и пополнили родезийские вооруженные силы. В вербовочную контору в Солсбери ежедневно поступает в среднем по пять заявлений. В этой конторе часто можно видеть иностранных визитеров, прилетающих в Родезию в расчете подписать контракт на месте.

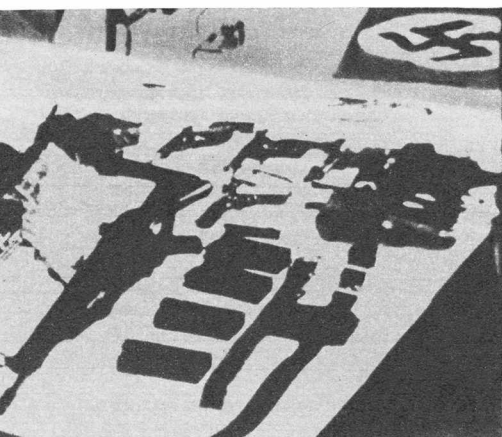
Вот такие головорезы убивают ни в чем не повинных стариков, женщин и детей, сжигают дома африканцев.

Фото ТАСС

АКРОПОЛЬ СЕГОДНЯ И ЗАВТРА

Оригинальный вариант защиты Акрополя предложил швейцарский архитектор Оливье Россель. Проект предусматривает возведение пластмассового колпака над скалой, на которой стоят Парфенон, Пропилен и другие уникальные памятники. Воздух под колпаком будет кондиционированный. Проект Росселя вызвал в Греции большой интерес.

Фото ТАСС

Арсенал одного из американских фашистов.

Фото из журнала «Тайм» и ЮПИ — ТАСС

ЖИЗНЬ ИЛИ КОШЕЛЕК

Как это ни покажется парадоксальным, но детские игрушечные пистолеты в Японии оказались опасными для общества. Игрушечное стрелковое оружие сделано с такой тщательностью, что его трудно отличить от настоящего. Этим-то и воспользовались грабители и другие злоумышленники, запугивая свои жертвы детскими пистолетами. В Японии подобного оружия выпущено 600 тысяч — арсенал внушительный. Все это заставило заговорить о принятии каких-то мер для решения возникшей проблемы. Предлагается, в частности, принять законопроект, чтобы у игрушечного оружия делались хотя бы неподвижные курки. Но даже это предложение встречено в штыки фирмами, производящими детские игрушки.

Хорошо, что это оружие в коллекции.

Фото из журнала «Ньюсуик»

С ВЫСОТЫ ВРЕМЕНИ

Три вопроса доктору технических наук,
профессору П. А. АГАДЖАНОВУ

Павел Артемьевич Агаджанов, доктор технических наук, профессор, лауреат Ленинской премии. На его глазах зарождался прорыв в высотные дали.

Наш корреспондент Н. МЕЛЬНИКОВ встретился с ученым накануне Дня космонавтики.

— Павел Артемьевич, для нас с вами первые шаги покорения космоса — собственная жизнь, а для молодежи это уже далекая история. Каким вам видится прошлое с высоты сегодняшнего дня?

— На мой взгляд, прорыв в космос, полет Гагарина еще не осмыслены до конца. Особенно хочется отметить, что полет человека в космос произошел всего лишь через шестьдесят лет после разрушительной войны нашей страны с фашистскими захватчиками. Какую силу и решимость надо было набрать государству, чтобы подняться на неведомые высоты! Неведомое — не громкое слово, так оно и есть.

К тому времени еще очень мало мы знали о космосе. От космонавта требовалось огромное мужество, самообладание. Можно сказать без преувеличения: такого дерзновенного шага еще не знала мировая история. Сергей Павлович Королев, его коллеги-единомышленники, сам первый космонавт верили в надежность техники, верили, что можно слетать в космос и вернуться оттуда живым. Эта уверенность многое и решила.

Само понятие «космическая эра» вольно или невольно временами оценивается в отрыве от

всего, что подготовлено и создано в прошлом. Как будто выдающееся событие в истории человечества произошло само собой, случайно (есть даже такой тезис — о «случайности» космонавтики). Но «прыжок в неизвестность» имел длительный период материальной и идейной подготовки, в нем органический сплав всей суммы предыдущих знаний и достижений нашей науки, техники, промышленности.

И еще одна особенность. Говорят, трудность первых полетов заключалась в том, что корабль «Восток» был относительно несовершенным. Не только это. Сложность и в том, что космонавты летели в одиночку. Когда человек один в загадочном, неизведанном пространстве, без непосредственного общения с близким товарищем — совсем иное ощущение, чем в сегодняшних полетах, вдвоем или втроем. К счастью, полного одиночества не было. Наземный командно-измерительный комплекс надежно связывал космонавтов с Землей. И они это ощущали в минуты сеансов связи. Человек — существо общественное, одиночество ему противопоказано.

— Человек так уж устроен: привыкает ко всему. Мы почти ничему не удивляемся. Как,

на ваш взгляд, будут смотреть будущие поколения на прорыв человека в космос?

— Извините... Я начну с рассказа Александра Куприна «Тост». Писатель заглянул в далекое будущее. Люди на Северном и Южном полюсах встречают 2906 год. Председательствующий говорит об истории, о дальних предшественниках, которые совершали революцию XX столетия. Как им было трудно! Одна из женщин беззвучно заплакала и ответила едва слышно: «А все-таки... как бы я хотела жить в то время... с ними... с ними...» Вот и мы скажем: будущие космопроходцы Вселенной будут гордиться первыми космонавтами, которые открыли дороги в неведомое. Так же, как наши моряки гордятся далекими предками, открывателями новых морей, проливов, материков. Они все видели впервые. И все испытали первыми. Конечно, им было неизмеримо тяжелее, чем преемникам, — первым всегда тяжелее. Но насколько интереснее! Для нас космос был романтикой времени, героикой века, открытием новых понятий времени и пространства.

Мы знаем, как нелегко было великому ученому и конструктору Сергею Павловичу Королеву создавать первые отечественные ракет-

ГАГАРИН ОТКРЫВАЕТ МАТЧ

Во время хоккейного матча на Королевском стадионе Стокгольма 1 марта 1964 года. Капитан шведской команды просит Ю. А. Гагарина ввести мяч в игру.

В начале марта 1964 года космонавты Ю. А. Гагарин и В. Ф. Быковский по приглашению общества «Швеция — СССР» гостили в Швеции.

«Мы можем сказать, — писала на другой день газета «Стокгольм-тидинген», — что первое знакомство с советскими героями космоса создало у нас впечатление, что Гагарин и Быковский — это высокообразованные, талантливые, интересные и, безусловно, мужественные люди».

Корреспондент другой столичной газеты дополнил, описывая появление Гагарина и Быковского на стадионе: «То был выезд гладиаторов. Перефразируя известное изречение, скажем: они въехали, увидели и победили. Они с честью представляют свою страну в наступивший космический век. Не удивительно, что Стокгольм принял их с распростертыми объятиями».

В день их приезда на Королевском стадионе Стокгольма проходил финальный матч между местными командами по хоккею с мячом на первенство Швеции. Собралось свыше пятнадцати тысяч горожан. Вдруг по стадиону распространилась весть: посмотреть игру хоккеистов придут советские космонавты.

И вот настал волнующий момент. На башне зазвучали фан-

фары, на штоках взвились советский и шведский флаги. Из южных ворот стадиона вышли знаменосцы, появились наездники на верховых лошадях, а вслед за ними показалось открытое черное ландо, запряженное парой безупречно белых коней. В ландо ехали стоя Юрий Гагарин и Валерий Быковский. Стадион гремел от оваций. Все встали. Оркестр играл «Марш гладиаторов».

Сделав круг почета, космонавты вышли на поле. Председатель шведской хоккейной лиги преподнес гостям по красочной деревянной лошадке — национальный сувенир древних мастеров, знаменующий доброе расположение.

Затем он попросил Юрия Алексеевича быть главным арбитром матча. Раздался свисток. Юрий Алексеевич ввел мяч в игру.

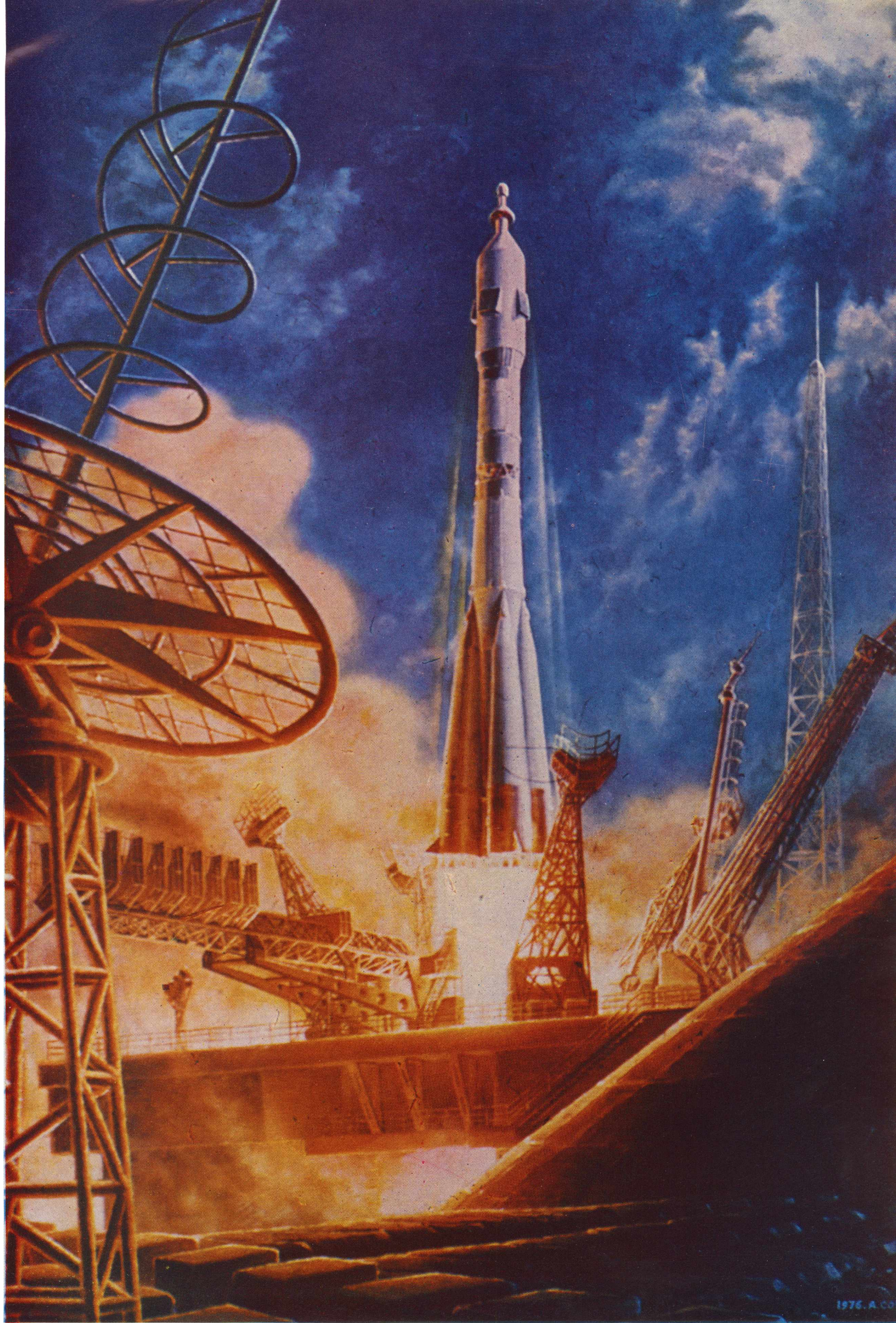
— Вероятно, настанет день, когда международный матч хоккеистов устроят на Луне? — полюбопытствовал капитан шведских спортсменов.

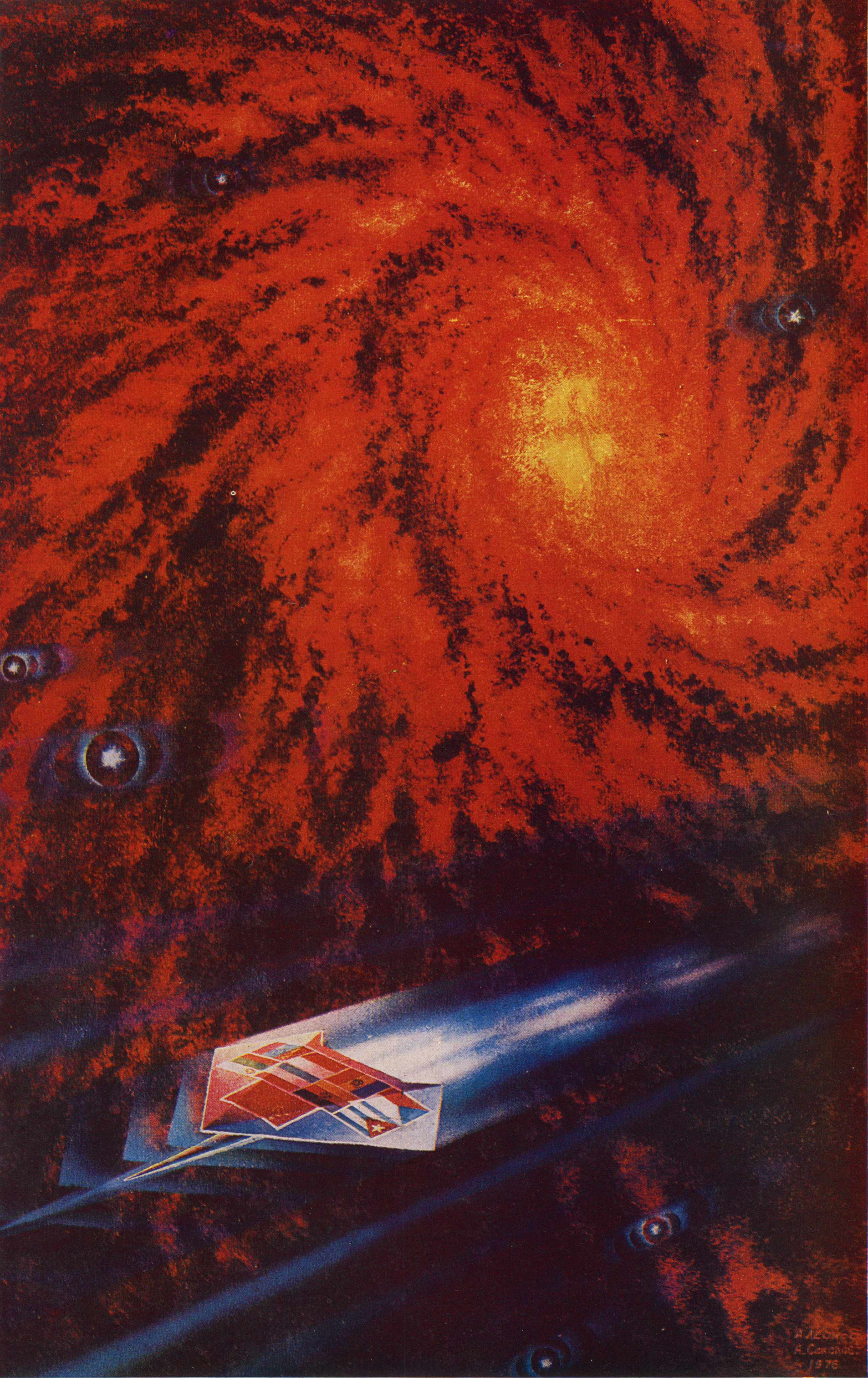
— Трудно сказать, в каком году, — рассмеялся Гагарин. — Но возможность такого матча допускаю...

И. МОКРЕЦОВ

Фото автора

А. Соколов. СТАРТ. 1976.

А. Леонов, А. Соколов. К ЗВЕЗДАМ. 1976.

А. ЛЕОНОВ
А. СОКОЛОВ
1976

но-космические системы. Он не пошел проторенным путем, не погнался за немецкими «фау». Уже тогда заявил: «Мы сами можем, не беднее идеями других наций, сделаем то, что им неизвестно». Это был великий, исполинский зачин. Я думаю, что Королев испытал и безмерное счастье в жизни. Руководить созданием ракетно-космических систем, соединить в одно целое два начала — земное и космическое — разве это не великая радость и гордость человека!

В будущем, конечно, появятся более совершенные, комфортабельные, мощные корабли, межпланетные станции. Все у них будет на более высоком и гармоничном уровне. Это естественно. Но начальное творение — корабли «Восток», «Восход», «Союз». Создав их, наши конструкторы совершили подвиг мысли. От них, этих кораблей, все и пошло.

Когда человек совершает в жизни что-то большое, необычное, о нем говорят: «Это был его звездный час». Видимо, есть в жизни и «звездное время». Таким временем можно назвать пятидесятые — шестидесятые годы, когда создавались первые ракеты, космические корабли. Никто в мире до этого не создавал подобных машин. И это время прочно и навсегда золотыми буквами вписано в историю.

— Шестнадцать лет после полета Гагарина стали целой эпохой. Позади до трех десятков полетов с человеком на борту. Мы знаем, как проходили эти полеты, в чем их особенности. Какие из них можно отнести к вершинным достижениям космонавтики?

— Ответ на этот вопрос вытекает из самих особенностей нашей космонавтики. Обычно удивляются и восхищаются темпами развития авиации. Но развитие ракетно-космической техники идет куда быстрее. Космические у нее скорости. И чем выше уровень техники, тем значительнее и результативнее космические полеты.

Это та стартовая площадка, с которой взлетают наши космические корабли, орбитальные станции. После каждого полета меняются и вершины. Когда-то рекордным по продолжительности считался полет Валерия Быковского на корабле «Восток-5». Прошло время, и продолжительность полета возросла в несколько раз. И, конечно, будет расти. Космические рейсы наполняются все новым содержанием, приобретают новое качество. Первые космонавты, как известно, в основном были испытателями, нынешние — одновременно испытатели, исследователи и труженики космоса. Это — качественное изменение. Оно изменило и облик космической профессии и самих космонавтов. Главное, космонавт не просто исполняет указанное по программе, а творчески работает на высоте. Его творчество — в осмыслении увиденного и свершаемого, в выходе из круга общих представлений, в поиске наилучших решений. Ведь там, в космосе, иногда возникают обстоятельства, не предусмотренные программой. Времени на раздумья очень мало. В какие-то секунды надо принимать точное решение. И здесь на помощь экипажу приходит Земля, наземный командно-измерительный комплекс и коллектив Центра управления полетом. Я говорю об этом потому, что теперь ценность полета измеряется не только по тому, сколько суток летают космонавты, но и как летают. В каждом космическом эксперименте есть своя «изюминка» — выполненная задача, которая придает ему неповторимый облик. Стало быть, есть и свои вершины. Какой-то особой мерки для них не найдешь. Вот, например, слетанность, надежность экипажа, работающего на орбитальной станции при полном понимании и доверии. Не скажешь, какой из них показал лучшую спайку, большую совместимость. А между тем мир взаимных надежных контактов, взаимопомощи, единого духа — величина, от которой непосредственно зависит успех полета, его вершинные достижения.

В профессии космонавта, видимо, самое важное то, что очень многое надо знать и уметь. «У него космический кругозор», — говорят теперь о людях этой профессии. Само время, развитие науки, техники делают такими советских космонавтов. Значит, и каждый новый полет можно без преувеличения отнести к вершинным достижениям космонавтики.

СССР ГЛАЗАМИ ДРУЗЕЙ

Автограф от первого космонавта. Юрий Гагарин и Милан Цодр.

Фото
Веры Штингловой

КОСМОНАВТЫ НА ЗЕМЛЕ

Милан ЦОДР,
главный редактор
журнала «Кветы» (ЧССР)

Вновь и вновь я перелистываю свои блокноты, перебираю фотографии. Их сотни. Не хочется верить, что некоторым из этих снимков уже двенадцать — шестнадцать лет. Заботливо храню их в дальнем ящике рабочего стола, но как только извлеку на свет, воспоминания оживают всеми красками радуги, как высеченные солнцем искры чешского хрустала.

Еще мальчишкой я полюбил стихи нашего великого поэта Яна Неруды. Особенно его «Космические песни». Простые, мудрые, полные глубокого удивления перед бесконечностью космических далей, но при этом лишенные всякого мистицизма и проникнутые твердой верой в человеческий разум, силу, отвагу, которые выйдут наконец из плена земного притяжения, к новым солнцам — не из жажды приключений, а ради поколений будущего.

Наверное, поэтому каждая встреча с космонавтами была для меня праздником. Возможно, что-то усмехнется: дескать, красивые слова. Простите, я не сумел найти других. Но я никогда не допускал и мысли, чтобы видеть в космонавтах этих «героев из бронзы». Знаю их как людей смелых и отважных, упорных и мужественных, образованных и умных и в то же время наделенных всеми человеческими качествами: со своими увлечениями и слабостями, надеждами и разочарованиями, решимостью и сомнениями. Поэтому каждый пилотируемый полет в космос — для меня акт величайшего героизма, достойный не только газетных колонок, но и глубокого отражения средствами искусства. Поэтому каждая из этих встреч, будь она шестнадцать лет назад или вчера, в моей памяти одинаково жива.

Пожелтевший номер «Млада фронт» — младшей сестры «Комсомольской правды» — от 29 апреля 1961 года. Фотография на первой странице: Юрий Гагарин в Праге. Рядом репортаж: «Я летел вместе с Гагариным». Заголовок, признаюсь, немножко нескромный. Но когда я писал тот репортаж, радовался, как ребенок. Вот эти строчки:

«Цель моей поездки в Москву можно выразить кратко: поговорить с первым космонавтом мира Юрием Алексеевичем Гагариным. Я знал, как это нелегко, потому что отправлялся сюда спустя лишь неделю после исторического полета корабля «Восток» вокруг Земли...»

В четверг, в 12 часов дня, наконец, узнал, что мне удастся встретиться с Гагариным в субботу, в 10 часов. Можете представить мое состояние, когда вечером в тот же день позвонила жена из Праги и сказала: «Ты уже знаешь? Гагарин летит на два дня в Чехословакию».

Сначала я так и застыл у телефона. Потом стал выяснять, каким самолетом он полетит. Оказалось, это обычный рейс, все билеты уже проданы. За двадцать минут до отлета мне все-таки удалось попасть в самолет.

Тогда я не написал в своем репортаже, каких это стоило хлопот. Как ходил за помощью к начальнику аэропорта. Как чуть было не улетел с билетом, оставленным для генерала Каманина, который сопровождал тогда космонавта (клянусь, что я действительно об этом не знал и честно вернул билет). Как надо мной сжалился мой коллега Денисов из «Правды» и замолвил словечко пограничникам, чтобы те поставили мне в паспорт печать, а потом упрямил бортпроводницу впустить меня без билета. Помогло, наверно, и то, что я носил тогда форму майора чехословацкой Народной армии... Потом мне не раз пришлось рассказывать Юрию Алексеевичу эту историю.

Я подарил тогда Гагарину свою первую книжку о космонавтике, которая вышла в Чехословакии в 1960 году. Потом, когда гостил у него дома в Звездном, увидел ее в книжном шкафу. Еще не раз я разговаривал с Юрием и обязательно напишу об этих встречах.

А последняя была в Карловых Варах. Он отдыхал там и попросил меня приехать.

— Видишь, я в отпуске, пью карловарскую воду, а каждый день то куда-нибудь визит, то встреча, — пожаловался он мне слегка, хоть и знал, что виной тому — его имя. У него никогда не оставалось времени для себя. — Прощай раз я обещаю тебе подарить значок космонавта. Держи!

Потом мы поехали в Марианске-Лазне. Я лихорадочно напрягал память, чтобы хоть что-нибудь рассказать об этих местах, вспоминал родословную знаменитых источников. В один из них бросили монетку в десять геллеров.

— Интересно, вернемся ли мы еще сюда? — спросил Юрий.

Нет, он не вернулся... Кончился отпуск, и Гагарины возвращались в Москву. Я провожал их на аэродроме в Рузине. Передо мной клочок бумаги с нацарапанным на нем числом. Это номер их домашнего телефона, который мне продиктовал Юрий. Как сейчас звучит его голос:

— Будешь в Москве — позвони и приезжай к нам. С женой!

Мы стояли у трапа. Обнялись на прощание. Перед тем как скрыться в салоне, Гагарин снова обернулся и помахал нам обеими рука-

ми. Таким я и вижу его, когда включаю эту магнитофонную запись: стоит, улыбается, машет обеими руками, натужно режут моторы, и свищет ветер.

Недавно я обнаружил в своем архиве строчки: «Сердечно поздравляем с рождением дочери. И женщины могут быть космонавтами». Такую телеграмму мы с Властой отправили Герману Титову из Варны. Мы проводили отпуск в Болгарии, когда у Титова родилась дочь Гая.

Нашей дружбе, — наверно, Герман Титов позволит мне так сказать — уже много лет. Не один вечер мы спорили и пили доброе вино, читали стихи и пели хорошие песни. Русские, украинские и наши чешские и словацкие.

С Германом я познакомился в кабинете генерала Каманина. С первого дня меня покорила в нем не только широкий технический кругозор — в конце концов им должен обладать любой летчик-истребитель, тем более космонавт, — а его всесторонняя образованность, глубокое знание литературы и музыки. Часто говорят о том, что техника сегодня вытесняет человеческие эмоции. В Германе же, наоборот, соединились и физик и лирик. Я бы сказал, что Герман, как и многие другие советские люди, с которыми мне посчастливилось встретиться, представляет собой тип человека нашего времени. Всесторонне развитого, жадно познающего новое и не жалеющего своих сил в борьбе за это новое. Он живет, как говорят летчики, «на полные обороты».

...Перед каждым своим телевизионным комментарием вспоминаю Алексея Леонова. Когда он был в Чехословакии, его тоже пригласили на телевидение. Мы шли через гримерную, Леонов взял карандаш и нарисовал над зеркалом летящих чаек. Они и сейчас, спустя одиннадцать лет, несут здесь свои стремительные крылья.

Перед отлетом из Москвы (кажется, в начале 1973 года) я был в гостях у Севастьянова. Время бежало незаметно. Часа за полтора до старта самолета вдруг зазвонил телефон. Это был Леонов. Виталий сказал ему, что я хотел бы увидеть Леонова в его мастерской. Мы быстро собрались, Севастьянов сел за руль своей «Волги», заявив, что на аэродром «успеем в самый раз — мастерская Леонова по пути».

Леонов нас ждал и принял великолепно. Но стрелка часов, казалось, уже не бежала, а просто перепрыгивала через деления. Вдруг выяснилось, что вместо «Волги» нам нужен самолет, чтобы вовремя попасть в аэропорт... Виталий — прекрасный водитель. К самолету я подбежал в ту минуту, когда уже убрали трап.

...Виталий Севастьянов. Космонавт, который провел во Вселенной уже две тысячи часов. Ученый с ясным и трезвым логическим образом мышления. Философ, которого отличает мудрый, глубокий анализ настоящего и будущего космонавтики, ее значения в прогрессе человеческого общества. И журналист, подкупающий непосредственностью и остроумием своего слова.

Я много раз бывал у Севастьянова дома, и всегда меня покоряло то многообразие интересов, которыми живет не только Виталий, а вся их семья и круг ее ближайших знакомых. Всякий раз я встречал здесь интересных людей. Однажды ждал Виталия, когда он возвращался из Звездного. Вместе со мной был прославленный летчик-испытатель Герой Советского Союза Мосолов, потом появились другие гости. Одни возвращались из театра, другие зашли просто так. Здесь были известный журналист, хирург, только что закончивший сложную операцию, солист балета Большого театра, которого знает весь мир. В следующий раз я застал чехословацкого инженера, который учился когда-то вместе с Виталием и жил с ним в одной комнате.

Можно сказать, что все, действительно все советские космонавты — мои старые знакомые и друзья. Не со всеми мне посчастливилось встретиться лично, но я «гостил» в их космическом доме благодаря телевидению. С помощью телеэкрана я стремился ближе познакомиться наших зрителей с каждым из советских героев космоса. Воспоминаний наберется уже на книгу, которую, я надеюсь, сумею написать.

Наверное, в нее войдут и встречи с нашими чехословацкими космонавтами, которые уже тренируются в составе международного космического отряда. Сколько раз мы мечтали об этом с Гагариным, Севастьяновым, Титовым! И вот сейчас мои соотечественники готовятся к своим первым полетам в космос. Уверен, что они с честью выполнят свой высокий долг — у них выдающиеся учителя.

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Участники Великой Отечественной войны особенно чувствуют свою причастность к знаменательной дате 60-летия Советской власти. Когда над страной нависла смертельная угроза, когда стоял вопрос, быть или не быть Советскому государству, они грудью прикрыли Отчизну, разгромили фашистскую Германию.

«Хотелось бы в 60-летие Октября узнать о судьбе своих боевых товарищей: Трофимове, Мересове и Слидзевском», — пишет в редакцию инвалидов Отечественной войны Валентин Иванович Бурдуков. «В газете 243-й стрелковой дивизии «В бой за Родину» в номере от 14.12.44 г. была опубликована о нас заметка «Ценная инициатива». В ней написано: «Продвижению нашей пехоты мешал вражеский пулемет и автоматчики, засевшие на крыше отдельного домика. Заметив это, лейтенант Бурдуков взял красноармейца Трофимова с противотанковым ружьем и красноармейцев Мересова и Слидзевского с ручным пулеметом. Короткими перебежками они подобрались к домику. Бурдуков снамандовал Трофимову открыть огонь по пулемету врага из противотанкового ружья. Туда же стреляли и наши пулеметчики. Четыре отважных воина уничтожили огневую точку врага, захватили домик... «Боевые друзья», — пишет далее Валентин Иванович, — если прочитаете эту заметку, то вспомните и отзовитесь».

В. И. Бурдуков.

Бывший фронтовик Иван Петрович Тягло из села Троицкого, Неклиновского района, Ростовской области, пишет:

«В первый же день Великой Отечественной войны я, колхозный шофер, пошел в армию, подвозил на передовую боеприпасы. Снаряд попал в мою машину. Она была разбита, я, раненный, потерял сознание, очнулся — возле меня младший сержант. Тоже раненный, но легче.

— Ничего, — успокаивал он, — выберемся, я тебя не брошу.

И не бросил, мы сумели не попасть в руки врагу. Я остался жив благодаря сержанту. Фамилия его Александров. В памяти сохранилось: он из Херсонской области, говорил, что у него там семья, дети.

Нас эвакуировали в Ереван. Там мы выздоравливали. Зная, что вскоре нас пошлют в разные части, сфотографировались. Александров не успел получить фото и попросил: «Возьми карточки — когда-нибудь

И. П. Тягло (слева) и спасший его в бою сержант Александров.

Михаил
ВЛАДИМОВ

*Прошлое
для будущего
нужно*

КОММУНИСТ

У него особых нет отличий
По одежде или по красе.
Разве только тем он необычен,
Что среди других такой, как все.
Но когда горнист трубит тревогу,
Первым он становится в строю.
И когда кончается дорога,
Первым пролагает колею.
Где бы ни трясло и ни качало,
Налетает вьюга или шторм,
О других он думает сначала,
О себе он думает потом.

ВОРОШИЛОВСКИЕ СТРЕЛКИ

Как движенье затвора: «Следующий!»
И ударом бояка: «Огонь!»...
Пахло дымом и сталью стрельбища,
Прирастала к цевью ладонь.
На фанере, свинцом освищенной, —
Попадания густых пучки.
И со стрельбища шли значкистами
Ворошиловские стрелки.
Военрук у нас был прекрасный —
Сам нарком обороны Клим.
Мы вступали цехами, классами
В боевой Осоавиахим.

перешлешь мне, если уцелею, или детям на память...

Но получилось так, что адрес его я затерял, а фото сохранилось. Я пытался что-либо узнать о судьбе Александра, но безрезультатно.

Прошу редакцию «Огонька» помочь мне в поисках. Может, жив сам мой боевой товарищ. Или откликнутся его родные. Это для меня очень важно».

«Однополчане летчика Вениамина Александровича Безбабнова, отзовитесь!» — просят учащиеся Приволжской ордена Ленина школы № 1 города Волгограда.

Летчик-истребитель В. А. Безбабнов.

«После окончания нашей школы, — пишут они, — Вениамин поступил в летное училище. 20 февраля 1943 года ушел на фронт. Сражался в 4-й воздушной армии в 45-м авиаполку (он же 100-й истребительный авиаполк). В переписке по награждению личного состава частей 216-й смешанной авиадивизии за 1943 год, в которую входил 45-й ИАП (он же 100-й ИАП), имеется наградной лист на сержанта Безбабнова В. А. На его счету пять боевых вылетов, два воздушных боя, один самолет, сбитый им лично, и один в паре.

5 апреля 1943 года, уже младший лейтенант, Безбабнов Вениамин Александрович был награжден орденом Красного Знамени за два сбитых самолета противника, а 15 апреля 1943 года во время патрулирования в районе станции Крымской, Краснодарского края, с боевого задания не вернулся. Но в документах, найденных в станице Крымской, в списках погибших младший лейтенант Безбабнов Вениамин Александрович не числится.

Наш класс 7-й «Б» шефствует над матерью Вениамина, Ниной Андреевной, так как живет она одна.

Мы высылаем вам фотографию Вениамина. Может, кто-то из однополчан узнает своего боевого товарища и сможет хоть что-нибудь написать его матери, которая все еще ждет сына с войны.

С комсомольским приветом
и вам учащиеся
7-го «Б» класса».

Бывший парторг 1-го батальона 82-го механизированного полка 22-й механизированной Днепровской ордена Ленина, Краснознаменной, ордена Суворова дивизии Газиз Калелович Калелов пишет в «Огонек»:

«Посылаю вам фотографию, которую храню свыше 30 лет. Это парторги и комсорги нашего батальона. Сфотографировались в Германии в 1945 году.

К сожалению, память не сохранила имена этих бойцов партии и народа. Они много сделали для Родины. Как у них сложилась жизнь, особенно у мальчика, которого мы во время войны нашли в Германии? На фотографии он стоит между мной и командиром батальона капитаном Попеновым.

Отзовитесь, боевые товарищи».

Комсорги и парторги 1-го батальона 82-го механизированного полка 22-й механизированной Днепровской дивизии.

А война прорвалась лавиной,—
По тревоге подняв полки,
Смертным боем крещение приняли
Ворошиловские стрелки.

Пробивались из окружения,
Зрели в пламени оборон,
Чтоб наркомана наступления
Стать на Волге и под Орлом.

СТРОЙ

Строй — это в ногу, это — вместе.
Единый вдох, синхронный взмах.
Строй — друг для мужества и песни.
Строй — для расхлябанности враг.
В строю остаться трудно «средним»...
Команда взводного: «Кругом!» —
И самый первый стал последним
И стал последним первый в нем.
Со службой строй — как брат с сестрою.
Пусть я не воин по судьбе.
Но за святое чувство строя
Спасибо, Армия, тебе!

МЕМУАРЫ

Генералы были молодыми.
Стройно шаг печатали хрустящий.

А теперь седины — белым дымом
Той войны, — густым, не проходящим.
Сдав дела коллегам помоложе,
Генералы пишут мемуары.
Ход войны по полочкам разложен
И пронумерованы удары.
Пишут, как Победу мастерили
Из прорывов, штурмов и таранов,
Как по всем статьям перехитрили
Всех манштейнов и гудерианов.

До конца — на то судьба такая —
Быть в строю любой из них обязан...
Как врага, недуг преодолевают,
Повинуясь долгу, как приказу.
И выходят строки не натужно,
Слово к слову, — как сердце удары...
Прошлого для будущего нужно.
Генералы пишут мемуары.

Звалась высота Безымянной,
Была эпицентром атак.
Была высота Безымянной —
И все именуется так.

А здесь умирали солдаты...
Нет, многоименна она:

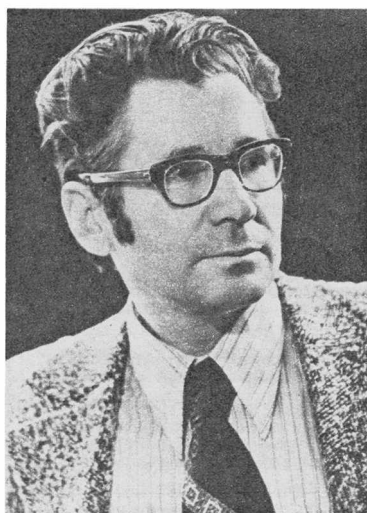
Ей отдали наши ребята
И жизнь и свои имена.

Ходит человек по пепелищу.
Ходит человек
И что-то ищет
Памятью,
войною обожженной,
Памятью, как рана,
обнаженной,

Ищет ли блиндаж, где был засыпан...
Ищет ли патрон с клочком записки...
Ходит ясным полднем,
Как в тумане,
Меж домами,
Словно меж дымами.

Женщину спросить бы ту, в подъезде?
Но она была тогда девчонкой...
Девушку, спешащую на танцы?
Не было тогда ее на свете...
Старика с медалью на скамейке?
Но старик на фронте был в ту пору...

Ходит человек и что-то ищет,
Ходит человек по пепелищу
Памяти своей.

Павло ЗАГРЕБЕЛЬНЫЙ

Рисунки И. ПЧЕЛКО

Известный украинский писатель, лауреат Государственной премии УССР имени Т. Г. Шевченко Павло Загребельный написал новый роман «Разгон», который будет печататься в журнале «Молодая гвардия».

Предлагаем нашим читателям главы из этого романа.

Ж

енщины чувствуют мужскую заурядность даже на расстоянии. Так же точно и одаренность. До сих пор Анастасия была уверена, что тоже твердо наделена этой удивительной способностью, которая поднимала ее над мужским миром, давала право относиться к его представителям если не пренебрежительно, то по крайней мере снисходительно. Анастасия называла это: сведение исторических счетов. Вот вы угнетали нас, закабляли, топтали, сталкивали на самое дно, надеялись, что никогда женщине не будет дано сбросить с себя ограничений природы, оторваться от ее истоков, взлететь в высокие сферы свободы и духовности, а между тем мы знали о вас все, видели скрытое для вас, знали вам цену, судили вас всегда и везде, были, собственно, арбитрами в судейской ложе, сидели на удобных местах в амфитеатре, а вы — целые тысячелетия — на арене, перед нашими глазами, в поединке, в игре, в запальчивости, в гонах и перегонах...

И так и этак ловила она в объектив очередного оратора. Вспыхивали импульсные лампы, вокруг Анастасии коллеги из других редакций делали то же, что и она, на всякий случай хватали в объективы всех, кто сегодня выступает, хотя знали наверняка, что фотографиям их суждено было лежать там, где лежат, например, тысячи снимков футбольных матчей. Всякий раз возле ворот целые толпы фотографов на протяжении девяноста минут игры щелкают затворами аппаратов, а видел ли кто-нибудь хотя бы один их снимок? Все залегает в черных конвертах в редакторских столах.

Тот, кого она ловила в объектив своего маленького «Петри», был усталый и, кажется, совсем некрасивый. Невыразительный голос. Какие-то смешные жесты. Абсолютно лишен возраста, точно обкорнованный и обструганный дерев. Ни высокий, ни низкий, ни полный, ни

худощавый, большая голова и широкие плечи, а шея точно мальчишечья. И лицо несерьезное, какое-то тоже мальчишечье, слегка дерзкое, чуточку словно бы даже ехидное. Совершенное неумение приспособиться к аудитории. Человек пытается провозгласить какие-то сентенции, в то время как от него требуется только несколько общих фраз. Кто же напечатает твои сентенции в газетах?

А этот чудак: «Люди любят лишь те перемены, которые они делают сами». Единственные перемены, которые они признают, — это новые моды, так же как для пенсионеров — новые таблетки. А он опять: «В поведении человека роль сознательного познания — максимальная, инстинктов — минимальная». А она жила инстинктами, как пчелка или пчела. Анастасия разочарованно опустила свой «Петри».

— Анестезия, ты что? — щелкая всеми своими шестью аппаратами, перепуганно зашептал ей бог репортажа Яша Лебензон. — Почему не снимаешь? Это же Карналь!

«Анестезией» прозвал ее именно Яша, но она не обижалась на него. Лебензону все прощалось, ибо он — бог!

— Карналь? — спросила равнодушно. — А кто это? И что он мне?

— Бог кибернетики!

— Для тебя все боги, раз ты сам затесался к ним.

Лебензону уже сто, а может, тысяча лет, он фотографировал Наполеона, Александра Македонского и летчика Уточкина, министров, президентов, маршалов, генералиссимусов, но и доныне не потерял способности восторгаться, как ребенок.

— Говорю тебе: бог кибернетики! Чтоб я так жил!

— А кто же тогда Глушков?

— Глушков — верховный бог.

— Рядовые боги меня не интересуют. Я атеистка-монотеистка. Если уж вешаться, так на высоком дереве!

— Ты рехнулась?

— Уже давно! А ты и не заметил?

Она достала зеркальце, поправила прическу, сверкнула сама себе черными глазами, понравилась сама себе, хотела припудрить нос, — передумала, хотела уйти отсюда, не дожидаясь конца встречи ученых с представителями прессы, но что-то ее удерживало.

Анастасия смотрела на Карналя. Серый костюм, кажется, модный, но без нарочитости и без подчеркивания модности. Галстук даже слишком дорогой — единственная вещь, которая может привлечь внимание. Только галстук? А что же еще? Она думала о Карнале как бы по принуждению, вяло, затрагивала его лишь

самой густой толпе, в самом большом людском столпотворении не спрячешься, не затеряешься, не спасешься. Мужчина от одиночества может хоть напиться. Женщина — разве что кусать себе локти. Другие, может, и не ощущают одиночества так остро, Анастасия же боялась его отчаянно. Детство ее прошло среди военных, отец всегда брал ее с собой на учения, знакомил с таким множеством офицеров и молоденьких солдатиков, что впоследствии ей стало казаться, будто весь окружающий мир — это те молодые, красивые люди в форме, сбитые плечом к плечу в неразрывность, в сдруженность, в монолит. Мир молодой, бодрый, неисчерпаемый. Когда заканчивала девятый класс, погиб отец. «При испытании новой техники...» С матерью ничто не соединяло Анастасию, она привыкла к мужскому деятельному миру, не хотела погружаться в неизбежную печаль и понурю повседневность. Несколько лет метаний, разочарований, упорства, мучительного опыта, вплоть до неудачного кратковременного замужества — и вот страх перед одиночеством в праздничные дни, когда торжествует то, что в дни рабочие словно бы не приметно, о чем не очень охотно пишут в газетах, чего не показывают по телевизору — наступает царство так называемой «личной жизни». Ясное дело, она тоже чем-то заполняла выходные и праздники, но порой было прямо-таки нестерпимо. Поэтому самый будничный день недели — понедельник — был для Анастасии всегда праздником. Сегодня же, к сожалению, не понедельник — пятница. Потому и приходилось торчать на этой неинтересной встрече, неинтересной не по сути, а по тому, что из нее сделает их редактор, который загонит ее под рубрику «Ученые — пятилетке», даст тридцать строк мертвого текста и не выберет ни одной из фотографий, сделанных Анастасией, ссылаясь на необходимость «экономить газетную площадь» и даже не пугаясь издевательского вопроса своей дерзкой сотрудницы: «А зачем экономить?»

Академики разъезжались в новых «Волгах», Анастасия подошла к своим «Жигулям» и только тогда заметила Карналя. Шел пешком. Не имел машины или не захотел задерживать шофера? Неожиданно мелькнуло озорное: а ну как предложу подвезти? Так, нечто неувловимое, шаловливое — прихоть, каприз. От своего намерения отказалась сразу же, особенно когда заметила, как еще два человека отправились пешком Карналю вслед. Тоже академики? Но они, кажется, не выступали. Не догоняют Карналя, может, оберегают его от таких, как она? Анастасия фыркнула мотором и рванула в свою редакцию. Не отличалась после-

А

Н

А

краешком мысли. Он не привлекал ничем, хотя и не отталкивал. Просто оставлял равнодушной. Да, собственно, она и задерживалась тут не из-за Карналя и не из-за этого шепота Яши Лебензона, а только потому, что внезапно вспомнила, какой сегодня день. Пятница. Последний рабочий день недели. Просится снова на дежурство в субботу? Но над нею и так уже смеются! А редактор, этот невыносимо откровенный в высказываниях человек, непременно скажет ей: вы хотите играть жертву, но мы не пойдем вам навстречу, ибо чувство справедливости ставим выше всего; каждый должен воспользоваться положенным ему отдыхом. Редактор, когда хотел быть ехидным, всегда пускался в такое громоздкое и неуклюжее многословие.

«Воспользоваться положенным...» Слова гудели, как печальные колокола одиночества. Никто не знает, что для одиноких наиболее желанными выдаются именно праздничные дни. В

довательностью в мыслях. Пока доехала, наконец забыла о Карнале. Сдала пленку в фотолабораторию, через час забрала еще чуть влажные снимки, стяхивая, пошла к редактору.

Тот думал. Ужасно любил этот процесс. Надоедал всем сотрудникам редакции, ежедневно напоминал, призывал, требовал: «Думайте! Давайте новые идеи!» Сам тоже часто любил показывать, как думает, сидел расслабленно за широким своим столом, убрав с него все бумаги, затуманенный взор не направлен никуда, на лице страдание, как от чего-то кислого, полная безоружность во всей фигуре: смилуйтесь, не мешайте человеку сосредоточиться! Редакционные остроумия это редакторское состояние определили довольно вездельным: «Сон на посту!»

Секретарша попыталась не пустить Анастасию, но это было просто смешно. Материал в номер!

Ученые — пятилетке. Какое тут может быть думание? Она влетела в редакторский кабинет, не дала времени редактору на возмущение и жалобы, веером расстелила перед ним целый иконостас академиков: вот люди, которые действительно умеют думать. Редактор застонал от профессиональной зависти. С этими людьми он не мог бы выдерживать конкуренции, хотя, по правде говоря, истинный журналист всегда чувствует себя выше всех академий на свете, ибо не они пишут о нем, а он о них, не они оценивают его работу, а он — их, не они делают его имя известным народу, а он прославляет (или же замалчивает) их.

— Так что? — спросил редактор.
— В номер. Ученые — пятилетке. Текст сейчас будет с машинки. Пятьдесят строк.

— Тридцать, — безапелляционно заявил редактор, рассматривая снимки. Делал это умело — ничего не скажешь. Всегда отбирал самые худшие, самые невыразительные. Его девизом было: ничего оригинального. Только обычное. Нельзя дразнить читателя. Газета — не цирк и не аттракцион с мотогонками по стене.

— Дадим президента академии, — зная все наперед, подсказала Анастасия.

— Тогда зачем же вы развернули передо мной целую Третьяковскую галерею? — простонал редактор.

— Показать, что ваши сотрудники не теряют времени.

— Президента мы давали на прошлой неделе. А вот Глушкова давно уже не было на наших страницах. А где Глушков?

— Его не было на встрече. Занят.

— А это кто? Могу я опубликовать такой снимок?

Анастасия отодвинула от себя снимок, который редактор подвинул ей, приглашая присмотреться повнимательнее к своей работе: невыразительный человек, в сером костюме, одной рукой зачем-то выдергивал из-под пиджака свой дорогой галстук, а другой держался за кончик носа, словно хотел извлечь оттуда какие-то истины.

— Кажется, его фамилия Карналь, — спокойно молвила Анастасия. — У меня записано.

— Записано! — возмутился редактор. — Вы не знаете Карналя? Тогда что же вы знаете?.. Я помогу вам. Я пойду вам навстречу, Анастасия. Вы узнаете ближе академика Карналя, которого у нас знает каждый ребенок, а вот работники нашего органа... Он своевременно сдержался от потоков своих традиционных обвинений и укоров, немного подумал, демонстрируя перед Анастасией весь неисчерпаемый арсенал внешних проявлений этого скрыто-за-

— Очевидно, грандиозная, но я не в состоянии ее оценить как следует.

— Оценят без вас. Общественность, ответственные товарищи... А вам — первое задание.

— Вы же только что говорили об академике...

— Именно о нем. Вы должны будете встретиться с академиком Карналем и организовать его воспоминания об одном дне войны.

— Разве он был на войне?

— А где же он, по-вашему, был?

— Я это к тому, что Карналь выглядит очень молодым. По крайней мере не таким, как ветераны... Ну, я не знаю... Война закончилась тридцать лет назад... Если ему теперь сорок, то что же он, десятилетним принимал участие в войне?

Редактор поднялся, обошел стол, заглянул Анастасии в лицо:

— Слушайте, вы нашу газету читаете?

— Ну... Анастасия засмеялась. — Иногда...

— Оно и видно. Иначе бы вы не... Ровно месяц назад академику Карналю исполнилось пятьдесят лет. И наша газета вместе со всеми другими печатала Указ о награждении академика орденом. Это у него уже пятый орден. Теперь вы поняли?

— Что академику Карналю пятьдесят лет? Приходится верить нашей прессе.

— И понимаете, что он был участником Великой Отечественной?

— Если так, то...

— У него поразительная биография, если хотите знать...

Анастасия засмеялась.

— Об этом принято писать: «Он прожил большую и яркую жизнь». Правда, никто никогда еще не пытался истолковать, что такое «яркая жизнь», но пишут все.

— Ну, так вот, — подвел итоги редактор, — придется и на этот раз в рубрике «Ученые — пятилетке» дать президента, а с Карналем как условились...

— Это не горит? — уже от двери спросила Анастасия.

— Время есть, но...

Их редактор обладал истинным журналистским чутьем: на завтра все газеты вышли с портретом Карналя. Известный ученый, руководитель научно-производственного объединения, которое дает для народного хозяйства передовую электронную технику. Странное дело, только ты узнаешь о существовании какого-то человека, как сразу же оказывается, что его давно уже знает чуть ли не весь мир, да и ты сама связана с тем человеком множеством нитей, до времени невидимых, но от этого не ме-

но страдает от влюбленности в Анастасию, но что он шофер Карналя, она узнает лишь теперь. Может, и говорил он ей прежде, но слово «Карналь» не застревало в памяти, собственно, не могло там зацепиться, попадало в пустоту, так же как тщетная влюбленность женатого шофера.

Шофер умышленно трет черную «Волгу» так долго, пока из подъезда, размахивая сумочкой на длинном ремешке, не выбегает Анастасия. У Мastroяни жена и маленькая дочка, жена — хорошенькая блондинка, но ему, вишь, вздумалось влюбиться в брюнетку. Тогда зачем же женился на блондинке?

— Вы каждый день опаздываете к своему академику? — ошарашивает его беседой Анастасия.

— Так он же не ездит на машине.

— Как это не ездит?

— Уже давно. Только пешком.

— А вы же зачем?

Мastroяни беспомощно разводит руками.

— Положено.

— Так вы хотите, наверное, подвезти меня?

— Вас? Но ведь?..

— Мои «Жигули»? Несolidно, когда едешь к академику Карналю.

— К акаде... Мastroяни не в силах выговорить ни слова.

— Бойтесь своего академика? Его все боятся?

— С чего бы я боялся?

— Так везете?

Она уже сидит рядом, и Мastroяни может поклясться: эта окаянная выдра знает о его влюбленности. И ничего же в ней нет. Длинноногая, стриженная под мальчика, правда, глаза, как чертихи. Все мужчины почему-то в нее влюбляются. И он тоже и хочет отомстить и за себя и за весь мужской род.

— Не пустит вас к себе академик, — говорит Мastroяни.

— Какой? — небрежно спрашивает она.

Вот тебе и напугал!

— Вы же к академику Карналю?

— Да.

— Так вот он и не пустит. Он никого...

— Ошибаетесь — меня всюду пускают. — Она делает паузу, затем говорит уж и совсем нечто хулиганское: — Даже в мужской туалет, если бы захотела.

«Вот окаянная баба», — думает Мastroяни.

— И поэтому у меня есть все основания презирать людей... мужчин, — говорит она холодно.

— Даже советских?

— К сожалению...

«Вот бы отомстить», — сладостно думает Ма-

С Т А С И Я

гадочного процесса, затем милостиво кивнул: — Садитесь.

Анастасия села, тряхнула своими короткими волосами, блеснула глазами, прикусила губу, насилу сдерживая улыбку.

— Почему вы такая несерьезная?

— Я серьезная! Я даже слишком серьезная. Чтобы доказать это, могу попроситься на дежурство завтра в типографии.

— Опять на выходной? Ну это же несерьезно. Мы не можем допустить, чтобы...

— Я это знаю, благодарю за заботу. Раз нельзя, так нельзя. Вы мне хотели сказать что-то о Карнале.

— Не просто хотел. Я даю вам редакционное поручение. Мы открываем новую рубрику. Воспоминания ветеранов войны. Называется будет: «Один день войны». Тысяча четыре-ста восемнадцать дней — и из них выбрать один, который запомнился более всего. Как вам эта идея?

нее реальных. Как могла она не обращать на все это внимания, как могла жить, не зная Карналя? Электроника. Кибернетика. Научно-техническая революция. Творцы. Передний край. На этих людей смотрели, как на небожителей. Их имена у всех на устах. И у нее? Да, будем откровенны. Но ведь о Карнале не слышала. Засекречен? Как творцы космической техники? Так нет. Было пятидесятилетие. Указ в газетах. Орден. Интервью по радио. Телевизионная передача. Выступления Карналя на международных симпозиумах. Париж, Нью-Йорк, Амстердам. Этот человек занимает в жизни такое место, что не заметить его просто невозможно. А вот она умудрилась это сделать. В придачу ко всему, оказывается, что буквально под ногами в девятиэтажном стандартном доме находится двухкомнатная квартира шофера академика. Этот шофер, которого все в доме зовут Марчелло Мastroяни за его сходство с итальянским киноактером, уже дав-

строяни, — остановить бы машину и сказать: «Прочь! Не позволю!»

А сам молчит и едет дальше.

— Почему же вы не возмущаетесь? — издевается она, словно бы читая мысли Мastroяни.

— Да ведь шутите.

— Есть вещи, которыми не шутят.

И уже побежала к входу, даже не спросив, как найти кабинет академика. Такой и спрашивать не нужно: все найдет сама.

Мastroяни снова принимается за свое: натирание машины, в которой никто не ездит, но сегодня это занятие исполнено для него высочайшего смысла: он ждет, когда появится эта дикая дерушка с глазами чертихи. Зная весьма хорово своего академика, шофер убежден, что ждать долго не придется. Так оно и произошло. Анастасия выскочила из дома так скоро, как будто дальше вестибуля и не была нигде.

— Я же говорил, — вздохнул Мastroяни. — У него на полгода наперед расписана каждая минута. Куда вас теперь подвезти?

— Можете взять свой воздух! — бросает ему обзленно Анастасия.

И она уходит, даже не взглянув на Мastroяни. Идет, а глаза полны слез. С нею даже не захотели разговаривать. Не записали фамилии. Никаких шансов на встречу. Никаких интервью, никаких воспоминаний. Только деловые разговоры, только разговоры по существу, только...

Кажется, это впервые в ее журналистской практике так безжалостно и, так сказать, безнадежно... Анастасия еще не верила. Произошло недоразумение. Обидная ошибка. Ее вот-вот догонят, попросят извинить их, вернут ее... Никто не догонял, никто не просил прощения, никто не возвращал. Наверное, уже и забыли. Не спросили фамилии, не знают, кто она и что... Газету, правда, назвала, но что это за газета? Молодежный орган, никакого авторитета, никакой значимости... Анастасия шла долго пешком, сама не заметила, как очутилась на крутой коротенькой улице Коцюбинского перед высоченным новым домом. Глянула: магазин научной книги. Зачем он ей? И почему приплелась именно сюда? Бессознательно-сознательно? Отродясь здесь не бывала. Даже готовясь к встрече с академиком, ограничилась лишь несколькими статьями из энциклопедий. Попыталась просмотреть двухтомную «Энциклопедию кибернетики», но отложила, не читая, так как нормальному человеку там читать нечего: дикие формулы, дикий текст...

Теперь, когда ее позорно вели, она перед магазином научной книги. Хочет приобрести книги академика Карналя? Смешно! Но в лавку все же вошла. Должны же у этого Карналя быть какие-то книги, коли он академик. Посмотрим, что он пишет.

Анастасия тряхнула волосами, остановилась у входа. В лавке были одни женщины. Покупателей — ни одного, а продавцами — только женщины. Невыносимо. Продавать книги — мужское дело. Седые, мудрые, спокойные, углубленные в нечто чуть ли не потустороннее, удивительно непрактичные, наивные, как вот парижские букинисты. Ну, она никогда не была в Париже, но о букинистах знает. Хорошо бы и здесь. В таком книжном магазине. У женщин она не хочет ни покупать, ни спрашивать.

Анастасия вышла, так и не спросив никого о книгах Карналя. А может, их и нет? Это когда-то академики были обязательно с книгами, с сочинениями, теперь, наверное, иначе.

Анастасия шла, изо всех сил размахивая своею сумочкой, мстительно закусывая губу, составляла мысленно статью о Карнале. Вы верите в существование гениев? Книга, которую вы берете в руки, свидетельствует... Нет, надо начинать о долгой и яркой жизни. Увы, долгая жизнь наряду с успехами и радостями приносит и огорчения, просчеты, ошибочные поступки. Мы можем с огорчением отметить в жизни нашего автора и неконтролируемые восторги и, что намного хуже, несвойственные ученому высказывания по адресу ряда его старших (или младших) коллег, которые по тем или иным причинам... Но мы должны быть снисходительными, тем более что эта снисходительность не проявление милости, — она заработана ученым, его талантом, его трудолюбием, всей его дотеперешней жизнью. Конечно, мы можем сегодня отметить, что в его научной практике бывало и такое, когда мысль опережала слово или, напротив, слово опережало мысль, и тогда мы встречались либо с невыразительностью, либо с анахронизмами, либо же с откровенными неудачами вообще. Да разве это не признак настоящего?.. Он живет и работает среди нас, вместе с нами, не уступая в активности самым молодым, самым энергичным, хотя в науке энергичности и не всегда была свидетельством истинности намерений и не вела к неминуемо полезным последствиям, уже не говоря об открытиях... Его время нормировано по наивысшим стандартам, недоступным пониманию простых смертных. Достаточно сказать, что на целых полгода время академика расписано до последней минутки... Представить себе это трудно, да, наверное, и не надо представлять, так как тут кончаются обычные параметры человеческой жизни, и мы переходим в сферу не то машин-

ного функционирования, не то, возможно (мы бы хотели надеяться именно на это), в область будущего, ибо академик Карналь считает себя (и, вероятно же, не без оснований) среди нас, людей, углубленных в заботы современности, полномочным представителем грядущего. Он как бы сошел со страниц научно-фантастических книг, в чем вы легко можете убедиться, если вам удастся каким-нибудь образом встретиться с академиком, хотя, откровенно говоря, вряд ли вам удастся этого достичь...

Анастасия прервала поток своих злых мыслей. Чуть не застонала от собственного бессилия и никчемности. Жалкая месть жалкими средствами. Кто ты такая, чтобы судить? И вообще зачем ты? С одинаковой легкостью пишешь о самостоятельных концертах, о превращении Киева в образцовый город, о новом спектакле в оперном театре, о сооружении нового жилищного массива Виноградарь и о ветеранах войны. А задумывалась ли ты о том, когда была война? Для тебя это нечто совсем нереальное. Невозможность даже вообразить. Расстояние чуть ли не такое, как до Пелопоннесской или Пунических войн. Когда была Третья Пуническая война? И когда Ганнибал впервые пустил на римлян своих слонов? А когда впервые «заиграла» наша «катюша»? И кто подбил первого «тигра»? Не знаешь или же не хочешь знать, а вокруг еще полно людей, которые пережили войну и помнят каждый день из тех полутора тысяч дней. Отец твой начинал войну лейтенантом, закончил полковником, ты родилась уже как полковничья дочка, детство твое прошло среди людей, которые даже запах свой, казалось, принесли еще с войны, именно там научились они стоять плечом к плечу, никогда не зная одиночества... Она тоже училась, а потом забыла, растеряла все найденное, осталась только память об отце, да и не память, а сплошная боль, которой она боялась все больше, но и избавиться от которой, чувствовала это отчетливо, уже никогда не сможет. Если бы она встретила с Карналем, она бы, наверное, сумела рассказать о своей причастности к людям войны и, следовательно, о своем праве на их воспоминания. Ибо журналист тоже обязан так или иначе завоевывать право. То ли способностями своими, то ли общностью своей судьбы с людьми, о которых пишет, а то и просто настырностью, к которой приходится порой прибегать. Она не могла быть настырной, да и не хотела. Академик Карналь ее не интересует. Случайно узнала о его существовании, так же и забудет. Вспоминала свою неудачу в приемной Карналя без раздражения, почти весело. Вела себя как глупая девчонка. Ехала, переживала. А между тем следовало попросту позвонить по телефону и узнать, сможет ли Карналь принять ее. Или пусть бы позвонил сам редактор. Для солидности и для соблюдения уровня. Потому что когда ты живешь в столице, то на каждом шагу приходится заботиться о странной категории, определяемой таким знакомым и в то же время непостижимым словом «уровень».

Анастасия на мгновение остановилась, чтобы решить, куда идти: в редакцию или есть мороженое. Мороженое показалось привлекательнее.

* * *

Пансионат стоял на берегу моря посреди унылых гор, вид которых напоминал не то время сотворения мира, не то его конец.

Горы и впрямь успокаивали Карналя, он даже сам удивлялся, ибо никогда не верил в исцеляющие свойства природы, о которых так много сказано и написано человечеством. «А там, вверху, зажгли горы вершины, зарделись, час веселый торжествуя. Вы прежде всегда узрели, исполины, тот свет, который нам теперь сияет». Небесный свод безмятежно струился над ним, словно необозримая арка одиночества, возвышалась над ним Святая гора, что господствовала, над всем окружающим пространством, округло входила в самое небо своими зелеными склонами, седловатой вершиной, на которой почти всегда отдыхали облака, то розовые в солнечный денек, то взлохмаченные перед ненастьем, то тяжело-черные от дождевых вод. Гору кто-то назвал Святой, наверное, чтобы подчеркнуть ее отрешенность от дел земных, углубленность в небесное, в высокое и несуетное.

Карналь был благодарен Пронченко за то, что тот чуть ли не силой вытолкнул его сюда, дал возможность затеряться в неизвестности, попробовать хотя бы немножко отойти душой, не думать о недоделанном, невыполненном.

Спал Карналь мало, встречал все восходы солнца уже в горах или на берегу, зайдя подальше от путей людских странствий.

Однажды утром, возвращаясь с очередной встречи восхода солнца, Карналь увидел возле далекого причала, всегда пустынного в такое время, небольшую группу молодежи: две девушки и три парня, один из которых, по-видимому, был моторист или владелец катера, а может, тоже принадлежал к их компании. Видно было по всему, собирались в какую-нибудь отдаленную бухту, так как носили на катерок пакеты, картонные ящики, даже дрова (шашлык!), полиэтиленовые белые канистры (вино к шашлыку и вода), суетились довольно живо, несмотря на столь ранний час (молодые!), шутиливо толкались, брызгались водой, гонялись друг за другом по берегу.

Карналь замедлил шаг, чтобы не мешать молодым, надеясь, что они отчаяты, не заметив его, хотя здесь, на берегу, никто никому, вообще говоря, не мешал, никогда и никто ни на кого, если говорить начистоту, не обращал особенного внимания, будь ты не то что там каким-то знаменитым академиком, а хоть и самим чертом-дьяволом! Все же как ни медленно тащился он берегом, те, у причала, не торопились, они как бы забыли, что должны куда-то там ехать, один из парней решил искупаться и полез в воду, за ним прыгнула и одна из девушек, и парень и девушка издали казались такими толстыми, что Карналь даже засмеялся и подумал, что это просто обман зрения, потому что ему никогда, кажется, не попадались такие экземпляры человеческой породы.

Два парня из тех, что оставались на берегу, были тонкие и высокие, даже, пожалуй, слишком тонкие и высокие, опять-таки ломая все представления о человеческой природе, девушка возле них тоже казалась удлиненой, как на картинах Эль Греко, двигалась с удивительной, даже издали заметной грацией, главное же, что-то было будто знакомо Карналю в той девушке: и ее фигура, и ее движения, и еще что-то неуловимое, чего не очертишь словами и не постигнешь мыслью.

Замедлил шаг, умышленно замедлил, надеясь, что те пятеро усядутся в свой катер и поплывут туда, куда должны были поплыть, не возмущая его покоя и одиночества, хотя, трезво рассуждая, почему бы должны угрожать ему какие-то неизвестные молодые люди?

Карналь мог бы остановиться, мог бы даже повернуть назад и пойти в горы, к бухтам, куда угодно, но какой-то категорический императив велел ему идти дальше, вперед, не останавливаясь. Карналя словно бы даже что-то притягивало, какая-то сила завладела им и уже не было возможности ей сопротивляться.

И вот Карналь очутился возле них, ему даже показалось, что последние метры он почти бежал, по крайней мере шел быстрее, чем до сих пор, он уже знал: впереди неминуемость, он носил ее в себе уже давно, без него она не существовала, но и он без нее тоже. Неминуемость имела имя той молодой журналистки, что несколько месяцев назад прорвалась к нему за интервью, а он не очень вежливо, как это делал всегда, указал ей на дверь. Анастасия. Имя старомодное и претенциозное, как у византийских императриц или у киевских князей, к советской эпохе оно совсем не идет, но той журналистке идет удивительно.

Девушка возле катера повернулась к Карналю, он увидел ее глаза, знакомый разрез губ, нежный овал лица, затем его взгляд упал на фигуру девушки, яркий модный купальник, тугое тело, идеальные пропорции, недаром же тот высокий, весь в черной мохнатой заросли, кажется, молодой грузин, так неотступно и настырно топтался тут, может, надеясь на тот взблеск девичьих глаз, который был послан ему, Карналю. Анастасия!

Карналь остановился и потянулся рукой к глазам. Но тронул только кончик носа. Хотел по своей ехидной привычке спросить Анастасию: «Вас что, редакция послала за мной и сюда?», но, сам себе удивляясь, не смог произнести ни слова, только молча кивнул головой,

здороваясь. В следующее мгновение понял, что поступил самым разумным образом, ибо Анастасия, которая, казалось, сомневалась, в самом ли деле видит перед собой академика Карналя, шагнула ему навстречу и воскликнула:

- Петр Андреевич, это вы?
- Допустим,— сказал Карналь.
- Наверное, проездом?
- Почему же? Две недели уже...

— Но ведь... Но ведь тут солидные люди никогда не бывают... Только такие несерьезные, как этот Князь. Вы только поглядите на него: он начинает увиваться за мной еще до восхода солнца. А те двое купаются даже в темноте. После двенадцати ночи приходят сюда, чтобы спрятаться в воде. Утони кто-нибудь из них, мы и не узнаем. Я здесь уже три дня. Если бы я знала, что вы тоже здесь...

— Я случайно...— словно бы оправдываясь, проговорил Карналь, ощущая странную неловкость и перед тем, кого Анастасия назвала Князем, и перед мотористом, который перестал ковыряться в моторе и заинтересованно поднял голову, и перед теми двумя толстячками, что остановились на мелком и приглядывались, с кем это разговаривала их приятельница.

Он хотел свести все это происшествие к шутке, небрежно махнув рукой, сказать Анастасии и ее друзьям, чтобы они не обращали на него внимания, потому что он, мол, только мимоидущий, был — и нет, пришел и прошел, можно вообще считать, будто его и не было тут вовсе, и пусть они спокойно себе едут, ку-

да собрались, или купаются дальше, или еще там что. Но на шутливый тон надо было попасть сразу, с первых слов, а Карналь увяз в банальщине, пустился в объяснения и оправдания, опасно задержался возле Анастасии, и пришлось поэтому знакомиться с молодым грузином, которого в шутку называли Князем, с мотористом, который по неписаному обычаю и нерушимым законам Черного моря не мог называться иначе, чем Жора, а тем временем из воды вылезли двое толстых и тоже бросились к карналевой руке, так, словно бы он был если и не папа римский, то по меньшей мере какой-нибудь экзарх.

— А вы не умеете готовить шашлыки?— ласково спросил Князь у Карналя.

Вопрос был так неожидан, что Карналь ничего иного не придумал, как сказать правду:

— Собственно, я не могу считать себя специалистом... Но вообще готовить умею все...

— Так поедете с нами,— радостно закричал Князь.

— А в самом деле, Петр Андреевич? Тут же такая скука, наверное...

— Ошибаетесь!— резко ответил Анастасии Карналь, сразу приведя в боевую готовность все защитные силы своей неприкосновенности.— Я не знаю, что это такое — скука...

— Простите, я не так выразилась. К вам это слово действительно... никак... Но там, в бухте, такая красота... Я уже здесь в третий раз...

— Могу вам позавидовать,— буркнул Карналь.

— Так не поедете?.. Хотя я не имею никакого права вот так к вам... И никто... Ведь вы себе не принадлежите...

Он решил быть хотя бы немного помягче после этого наивного «себе не принадлежите».

— Я приду встречать вас, когда вы вернетесь. Это будет перед заходом или после захода солнца?

— А может,— Анастасия заколебалась, сказать ли ему то, что вертелось на языке, глянула на Карналя почти умоляюще,— а может, мне тоже не ехать?..

— Ну, вы же собрались. И ваши товарищи...

— Это просто знакомые... Каждый год новые... Каждый раз случайные... Но я все же, наверное, поеду... А вы и вправду приходите, если захочется... Мы к ужину вернемся... Я выброшу для вас белый флаг на катере...

Она взблеснула глазами, снова стала той дерзкой журналисткой, которая когда-то ворвалась в его святая святых, и он с удовольствием отметил, что именно такой она ему как будто нравится или что-то в этом роде...

Карналь слабо улыбнулся.

— Мы еще встретимся. Считайте, что это и не обещание, а словно бы соглашение... А пока счастливого плавания...

Не стал ждать, пока они отплывут от берега, чуть ссутулившись, пошел дальше, галка шуршала у него под резиновыми вьетнамками, а казалось: по душе.

Не оглянувшись, не замедлив шага, не сворачивая, прошел по набережной, пошагал по центральной аллее, ведущей к домику дирекции, перед которым садовницы ежедневно меняли на клумбе горшочки с заранее высаженными цветами для своеобразного цветоч-

ного календаря. Было двенадцатое сентября, пора ветров, солнце где-то уже пошло на спад, а тут, на юге, еще припекало, полдень года, полдень века, одни полудни для него, после которых солнце уже не поднимается, а только падает и падает неудержимо, как ни подставляй под него плечи, каких современных атлантов ни выдумывай.

От главного входа летела к дирекции черная «Волга», сделав крутой вираж, заскрежетала тормозами около Карналя, сразу же распахнулась в машине дверца и из нее выскочил... Кучмиенко.

— Петр Андреевич! Вот так сюрприз! А я думаю: ну, где его тут искать в этой кустотеррапии!

— Ты зачем здесь?— без восторга полюбопытствовал Карналь.

— За тобой приехал.

— Никто же не знает... Меня здесь нет...

— Ого-го, для кого нет, а для Кучмиенко ты вечно и всюду есть, Петр Андреевич! Ни я без тебя, ни ты без меня...

— Что случилось?

— Да ничего... План выполняем, новые разработки идут, как из воды, номенклатура, как договаривались, пускаем вширь... Потрепали нас на республиканском совещании... Совинский твой выступал и размахивал руками... Но не для того я аж сюда...

— Для чего же?— Карналь раздражался все больше и больше. Кто мог сказать Кучмиенко? И почему именно сегодня? Бессмысленное стечение. Только что встретил Анастасию и сразу же — Кучмиенко. Снова какая-то мистика? Не слишком ли закономерные случайности окружают его последнее время?

— Если бы ты знал, Петр Андреевич, то еще бы и поблагодарил старого Кучмиенко за спешку... Воздушным лайнером перемерил на рассвете пол-Украины. Потому что тебя надо немедленно найти, а никто тебя так не может найти, как Кучмиенко! Скажешь, неправда? Пронченко сегодня пришлет телеграмму. Но то ведь будет днем. А потом: что такое телеграмма? Разве она может заменить живого человека? Ну, я узнал немного раньше всех остальных, на лайнер — и сюда. В обкоме взял машину, Алексей Кириллович в аэропорту — билеты прямо на Москву, потому что еще сегодня тебе надо быть в столице, а вечером — на Париж... Не я это организовал, но содействие в последней фазе — мое... Оцени.

— Ничего не понимаю! Ехать? Куда? Не собираюсь никуда ехать. И вообще меня нигде нет. Я на отдыхе. Мне руководство запретило приступать к работе раньше, чем через месяц.

— А кто тебя отзывает? Думаешь, Кучмиенко? Кучмиенко только способствует. Катализатор. Промежуточное звено.

Карналь невольно вспомнил наивно-правдивое Анастасиино «себе не принадлежите». Ехать ему никуда не хотелось, отказывался от всех зарубежных поездок после смерти Айгуль, еще не знал, согласится ли и на эту, но и держаться за одиночество на этом надоевшем уже побережье тоже как-то не выпадало.

— Что за поездка?— вяло поинтересовался.

— Детали в Москве. Я что? Моя — организация. Работаю на опережение...

Уже когда машина выскочила на край бывшего гигантского кратера древнего вулкана и Карналь, оглянувшись, увидел далеко внизу голубую воду бухты, беспорядочные свалки вулканических обломков, сероватую от пыли зелень деревьев, только тогда вспомнил о маленьком катере, явившаяся в его воображении в сверкании темно-зеленых глаз Анастасия, услышал ее голос, услышал свой голос, свое обещание встретиться, может, еще и сегодня и только теперь понял, что в самом деле хотел этой встречи, но в то же время и рад, что избежал ее. Пусть будет, что будет. Ведь он из тех людей, которые себе не принадлежат, и в этом их спасение от случайного, мелкого, опасного и соблазнительного, в этом их счастье.

Авторизованный перевод
с украинского
Изиды НОВОСЕЛЬЦЕВОЙ.

Продолжение следует.

«Огонек» на БАМе

Георгий РОЗОВ

Фото автора

Н

ерюнгринский разрез уже давно снабжает юг Якутии топливом. В прошлый мой проезд (три года назад) дороги, по которой мы сейчас движемся, не было. Стоял тут поселок горняков — шесть двухэтажных домов. В разрезе работал один только экскаватор — бухал в кузова одиночных самосвалов уголь, и те доставляли его на Чульманскую ГРЭС, бывшую в то время единственным крупным потребителем. Я уже тогда знал, что тут, в Нерюнгри, природа запрятала в земле огромную «миску» диаметром чуть ли не в шесть километров, наполненную превосходнейшим коксующимся углем.

В апреле 1975 года здесь началось строительство Южно-Якутского территориально-производственного комплекса. В 1982 году вступит в строй первая его очередь: угольный разрез мощностью 13 миллионов тонн в год, самая большая в мире обогатительная фабрика — 9 миллионов тонн, Нерюнгринская ГРЭС — 630 тысяч киловатт. Город Нерюнгри будет насчитывать 60 тысяч жителей.

Нерюнгри не узнать уже сегодня. Теперь

сначала нужна дорога. Очень надеемся мы на строителей БАМа, взявших обязательство довести рельсы до Беркакита к 60-летию Октября. Вот тогда наконец решатся многие проблемы снабжения.

Беркакит — лучший бамовский поселок, победитель специального конкурса. Уютный и благоустроенный. Вот плакат, на котором вся его история:

«1975 год, 18 декабря — бригада Василия Кударя высадила на станции Беркакит»;

«1976 год, 25 января — бригада Ивана Назарова заложила первый фундамент под общежитие на 27 мест»;

«7 марта — заселены первые дома»;

«24 апреля — открыт первый магазин»;

«8 августа — выпечен первый хлеб»;

«15 октября — подано тепло от центральной котельной».

На этом летопись обрывается, но я позволю себе добавить, что начинался поселок даже и не с бригады, а с трех десантников строительного-монтажного поезда «Кузбасс». Был среди них и комсомолец Геннадий Дрога, приехавший на БАМ после окончания строительного техникума в Новокузнецке.

Десантники привезли с собой печатку, встали на учет в банке как организация, поставили палатки прямо в тайге и принялись готовиться к встрече кузбасского эшелона. Геннадий с первых дней стал бригадиром плотников-монтажников и уже построил со своей бригадой котельную, материально-технический склад, кузницу, пиломару, жилой дом, два моста, школу, а сейчас возводит электростанцию для постоянного поселка.

Многое уже есть в Беркаките, а вот загса пока что нет, и потому молодожены из всех поселков, прилегающих к Нерюнгри, по субботам съезжаются к исполкому.

У высокого исполкомовского крыльца украшенные лентами и воздушными шариками автобус и «Жигули», а рядом гусеничный вездеход — тоже в свадебном убранстве. Это прикатили изыскатели — заявили всей партией: не каждый же день в их маленьком коллекти-

ПОСТУПЬ МАГИСТРАЛИ

этот поселок уже похож на город. Но не все делается так быстро, как хотелось бы.

Директор строительства Южно-Якутского угольного комплекса Евгений Александрович Варшавский рассказывает:

— Если новый угольный разрез строится более чем успешно, то вот жилье... В июле минувшего года в палатках еще жили тысячи семейсот человек. Правда, в ноябре мы людей переселили в хорошие дома. Сейчас в нескольких километрах от Нерюнгри возводится новый город. Быт постепенно налаживается, но темпы нас не устраивают.

Позже я попросил прокомментировать эти слова заместителя заведующего строительным отделом Якутского обкома КПСС Игоря Васильевича Иванова. Вот что он сказал:

— В Нерюнгри ко всем обычным для БАМа трудностям надо прибавить и высокую сейсмичность — до восьми баллов. Строить тут необходимо особенно прочное жилье. Сейчас решаем вопрос о том, чтобы брать железобетонные дома в Шимановске. Там введен в строй домостроительный комбинат мощностью девять тысяч квадратных метров в год. Он выпускает дома подходящей для нас серии. Но

ве случаются свадьбы! Когда топографы Лена и Валерий Костенко под звуки свадебного марша чинно «вплывали» в комнату загса, на втором этаже исполкома происходило другое событие, лишь на первый взгляд не имеющее отношения к молодоженам, а по сути своей символизирующее их будущее: там открылась выставка проектов генерального плана застройки города Нерюнгри.

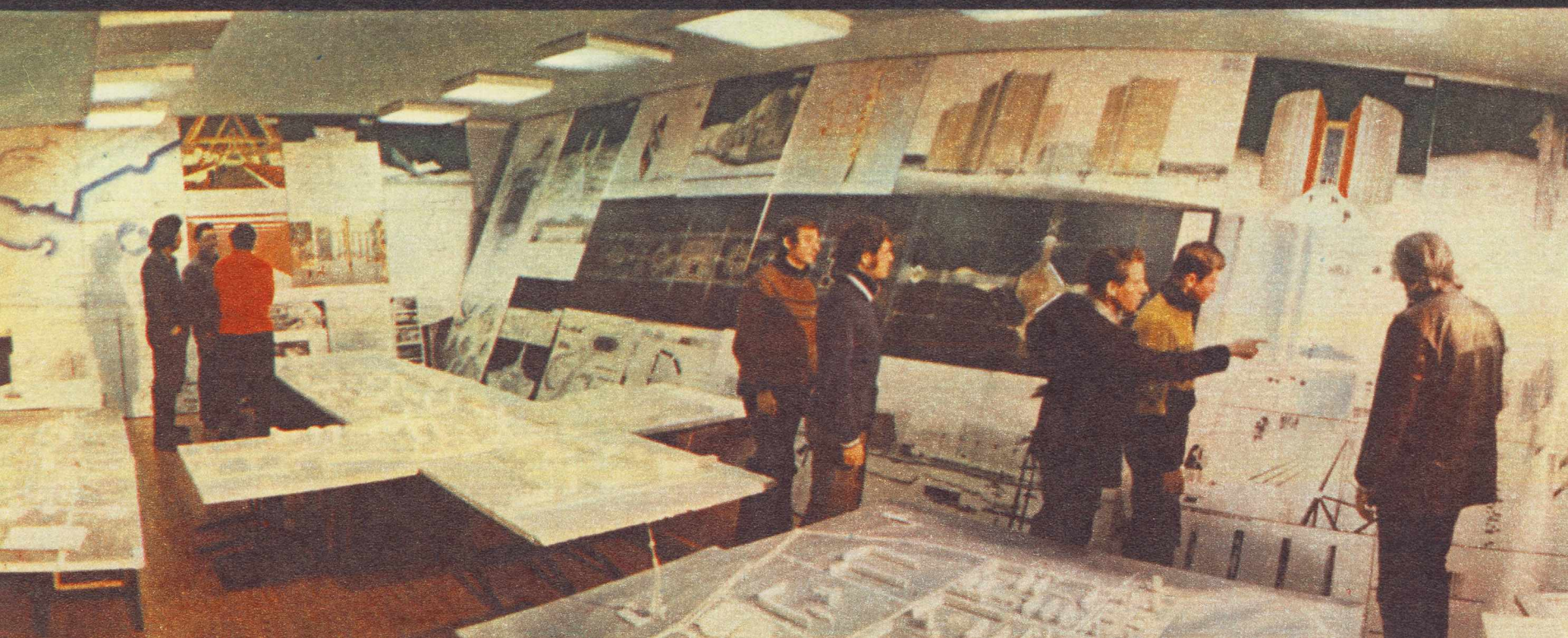
■
— Мы с папой купили стиральную машину! * Якутский уголек.

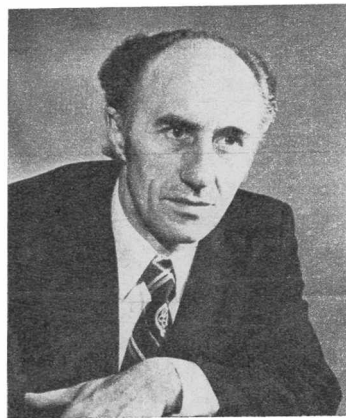
НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:
Хлеб да соль молодым! * Тамара Макарова — отделочница.

Владимир МАКАРОВ

ТРУБЯТ ЖУРАВЛИНЫЕ ТРУБЫ

●
Путру нежданно ты спросила:
— Что такое человеческое счастье?
Я ответил:
— Солнечность России...
И добавил:
— Значит, соучастие...
Счастье,— горы бед — себе на плечи,
А любимой — в дар, как песню, радость.
Счастье,— клевету — в упор картечью,
Чтобы нечисть не гасила радуг...
Счастье — родниковость речки Нежить.
Раз испьешь — и в память сердца врежется:
Чем ты больше утоляешь нежность,
Тем сильнее ждешь от жизни нежности.
Счастье — это значит нам обоим
Предстоит всей жизнью приподняться.
Счастье — слов и дел одна обойма:
Удивлять и жизни удивляться.

●
Трубят журавлиные трубы,
И падает навзничь закат,
И пробуют песенку губы
Про всех, не пришедших назад.
Тревожная юность рассветов,
Коль живы, еще впереди.
Сгорают, как звезды, поэты
От песни, горящей в груди.

●
А. И. Бубновой, моей матери.

Щиплют травы
туманные клочки.
Небо сбросило
звездный платок.
В улей — пчелы
с добычей досрочной,
точно пули,
влетают
в лоток.
На душе
с каждым часом светлее
от неброской
земной красоты.
С колокольчиком
синим на шее
влагу пьют
полевые цветы.

До беспамятства
сочною цветью
развернули поля клевера.
Будто здесь
до пробудки рассветной
пламя сбросила
наземь заря.
Там, где солнца
на полдень всхождение,
слышен птицы малиновый звон.
Не прервать мне
земли притяженья,
потому что землю рожден.

И пока эта связь
не погасла,

словно свет
умирающих звезд,
будет детство
глядеть из-за прясла
кровной грустью
оставленных гнезд.

Знаю, там,
в городской круговерти,
будет эта
земля согревать,
как письмо
в предвоенном конверте,
что в войну
посылала мне мать.

●
Зреет ягода быстрее у дорог.
Оттого и рвут ее здесь чаще.
Холода сменяют солнцепек,
И ненастье заменяет счастье.

Только разлюбить тебя не смог.
От разлук виски седые малость.
На развилке двух больших дорог
Ягода не собранной осталась.

Вновь наводит прошлое мосты,
Согревает душу в злую замять,
Заревые, тихие костры
Разжигают солнечную память.

Зреет ягода быстрее у дорог,
Но она лесной ничуть не слаще.
Разлюбить тебя, поверь, не смог.
Память охраняет мое счастье.

ВЕГА

По белому морю тумана и снега
Плывет в бесконечность глазастая Вега.
И кажутся тучи из синего снега,
И Вега не Вега, а девочка Вера.

Любовь и Надежда — знамение века,
Знамение века — любовь Человека.
И ты на меня понапрасну не сетуй,
Зовет меня снова мечта моя — Сетунь.

И слаще и меда, и свежего хлеба
В глазах твоих вспыхнет веселая Вега;
Покажутся тучи из синего снега,
И Вега не Вега, а девочка Вера.

От слов и от дела в глазах моих пестро,
Надежда и Вера — веселые сестры.
Не сетуй на Сетунь, коль любитесь слепо,
Глаза подними, опаленные небом.

●
На ладони луга — темный пруд.
Шагнешь с мостков — и прямо в воду.
Стеной березы тут вокруг,
Белей, чем эти, не увидишь сроду.
Калина красная — в цвету —
Глядится в воду, заневестясь.
Звезда падучая затонет тут.
И выплывет новорожденный месяц.
Здесь кашка пахнет, словно мед.
Красней заката сочный клевер,

И рядом обелиск, под ним пилот,
Сгоревший в небе в сорок первом.

С стеклянной банкой для цветов
Бежит тропа на пруд по воду.
Природа дарит мне любовь
И смерть в бою, как часть природы.

●
Ветер вышел в тапочках мягких.
Молча месяц на озеро выплыл,
И дергач цвета мокрого хаки
Закричал одинокий и хриплый.

В этом крике и всхлипы телеги,
Скрип сапог на последнем марше...
Голос боли твоей, моя лебедь,
По солдату,
без вести пропавшем.

ПРИХОДИТ МАТЬ

Мне часто снится
мама по ночам
с нелегкою
и моровой судьбою.
Она приходит
будто незначай,
чтоб молча
разговаривать со мною.

Глаза ее
лучатся добротой,
невывпавшей редкою слезой,
и только губы —
вечной немотой,
залеглой
и невысказанной болью.

И хочется
в минуты те сказать
слова, рожденные
самой любовью.
Но разве можно
боль застраховать
и не казнить
себя у изголовья?

И нет твоей
в той горести вины,
кошунства мелкого
не закружила замять...
А мать приходит,
будто бы с войны
погибшие приходят
в нашу память.

Да упаси нас
совесть потерять
и душу променять
на суесловье.
Не потому ли в сны
приходит мать,
чтоб с нас спросить
за жизнь
земною болью?

Чуткий глаз и верная рука — главное для скульптора, считает Вильмантас Адомонис.

Знаменитые столбы у начала дороги Чюрлёниса.

Репетирует Эдита Дексните.

ДОРО ЧЮР

Есть чему поучиться молодежи у мастера мастеров Иполитаса Ужкурниса.

Б. СОПЕЛЬНЯК

Фото М. САВИНА

I

Есть такая дорога. Сам видел. И даже по ней проехал. Начинается она в шестидесяти километрах от Вильнюса, у небольшой деревеньки Варены. Более ста лет назад в этом глухом уголке Литвы родился человек, прославивший свою родину. «Он и поныне для многих остался неразгаданной загадкой, — писал лауреат Ленинской премии Эдуардас Межелайтис. — И в самом деле нелегко объяснить, откуда в этом небольшом народе, на этом клочке земли мог родиться гений такого монументального, космического масштаба, своими звездными раздумьями передавший предчувствие будущей космической эры, предвосхитивший наступление нашего века...»

Его имя — Микалоюс-Константинас Чюрлёнис.

Сколько издано книг, альбомов, пластинок и монографий об этом музыканте и художнике, сколько создано портретов из камня и бронзы. Но есть самый значительный, если хотите, вечный памятник: это дорога Чюрлёниса. Дорога и в прямом смысле слова — пятидесятикилометровый участок шоссе — и дорога, проложенная в сердцах потомков великого художника. Пройдут годы, раскрошится мрамор, истончится бронза, перепашут шоссе. Но есть вечная дорога, неподвластная ни времени, ни жизненным стихиям, остающаяся в памяти людской, в душах и сердцах. Сыновей называют именем художника, репродукции его картин хранят рядом с похоронками отцов и свидетельствами о рождении детей; на свадьбах и народных празднествах звучит музыка этой земли, этого седого Немана и вздыбленного моря, — его музыка.

Сейчас на этой земле свыше семидесяти музыкальных школ. И одна — особенная, можно сказать, единственная в стране, а скорее всего, и в мире. Здесь, в Вильнюсской школе искусств имени Чюрлёниса, учатся вместе будущие музыканты, художники, балерины и танцовщики.

О работе этой школы, о достижениях выпускников — разговор особый. Но сперва — об одной традиции. В конце каждой зимы, перед началом подготовки к выпускным экзаменам все одиннадцатиклассники садятся в автобус и едут по дороге Чюрлёниса. Одиннадцать лет вели их мудрые педагоги, известные музыканты и художники. И вот теперь, перед тем как выйти во взрослую, самостоятельную жизнь, они должны проехать по дороге Чюрлёниса.

II

Ровно через час автобус притормозил у обочины. Как-то сразу умолкли шутки и смех. Притихшие, присмирившие ребята выпрыгнули прямо в снег и цепочкой потянулись к небольшому холмику. На нем, упираясь вершинами в низкие облака, стояли могучие, высокие дубовые столбы. Когда мы поднялись на холм, я увидел, что открывается эта вершина скульптурным портретом Чюрлёниса, сделанным во весь рост. Потемнел дуб, местами потрескался: все ветры, дожди и грозы обрушиваются на него, но Чюрлёнис твердо стоит на родной земле, уверенно смотрит вдаль. Рядом — доска, на которой вырезаны русские и литовские буквы. Одна из девушек смахнула снег, и я прочитал: «Путешественник, взгляни на правую сторону дороги, когда будешь ехать из Варены — родины Микалоюса-Константинаса Чюрлёниса — в город его детства Друскининкай, увидишь мемориальные стол-

ГА ЛЁНИСА

бы. Дорогу М.-К. Чюрлёниса мы построили в честь 100-летия со дня рождения великого нашего художника и композитора».

Чуть ниже — девятнадцать подписей народных мастеров. Среди них и подпись Иполитаса Ужкурниса, мастера мастеров, — есть в Литве такое высокое звание. Это он топором и долотом вырубил из огромного дуба скульптуру Чюрлёниса, которая стоит у самого начала знаменитой дороги.

Ветрено. Морозно. Ребята сбились в тесную кучку. Можно бы и в автобус... Но никто не тронулся с места. О чем они думали, о чем мечтали?.. Может быть, вспоминали, какой трудной была эта дорога для Чюрлёниса? Может быть, давали клятву на верность и обещали идти этой дорогой, не сворачивая? А может быть, думали о том, как расширить и проложить дальше эту дорогу? Что ж, молодым дано дерзать.

Через пять километров снова остановка. И снова два столба у обочины... Так мы и ехали. Останавливались, разглядывали и ошупывали все пятнадцать столбов, ставших своеобразными вехами дороги Чюрлёниса.

И вот, наконец, Друскининкай. Адельбертас Недзельскис, директор Дома-музея Чюрлёниса, показал нам комнаты, где жила семья Чюрлёнисов, крохотную мастерскую художника: на мольберте — подлинник картины «Покрой», написанной как раз у этого окна, в этом доме, где в прошлом году, кстати, побывало шестидесять тысяч посетителей.

В самой просторной комнате музея стоит пианино, на котором играл великий композитор, сочинял свои удивительные творения. К инструменту подходит Эгле Перкумейте — по традиции лучшей пианистке школы разрешается играть на пианино Чюрлёниса.

Как волновалась Эгле! Вот она бережно открыла крышку, оглядела потемневшие клавиши, прикоснулась к ним, оглянулась на друзей, прижавшихся к большой кафельной печке... Первые ее аккорды были робкими, неуверенными, потом стали шире, мощнее. И вот уже Эгле забыла обо всем на свете. Она играла один из прелюдов Чюрлёниса словно для самого Чюрлёниса. Да-да, он смотрел на девушку с фотографии, улыбаясь чуть иронично и ободряюще.

Слева от пианино я увидел мелко исписанный листочек, приколотый к стене. Это было расписание игры на фортепьяно. Все братья и сестры Чюрлёниса играли в свое время: Пятрас — с десяти до двенадцати, Ионас — с двенадцати до двух. С восьми до десяти — время Микалоюса. Эгле играла в это самое время. Она играла, понимая, что жизнь сделала ей прекраснейший подарок, что она должна вобрать в себя тепло рук композитора, тепло, которое, конечно же, сохранили клавиши этого старенького пианино.

Музыка Чюрлёниса сейчас звучит не только в гостиной его дома; она — во всех музыкальных школах, в концертных залах нашей страны и всего мира; ее исполняют скрипачи, пианисты, камерные и симфонические оркестры... Незадолго до смерти Чюрлёнис написал статью «О музыке», которая звучит как завещание великого композитора: «Литовская музыка, можно смело сказать, имеет будущее, но сегодня ее еще совсем нет. Мы отстали далеко от всех. В мире известно о тирольской, цыганской, турецкой, арабской, украинской музыке, но о литовской музыке никакой француз или англичанин слыхом не слыхивал. Стоит ли идти так далеко: сосед польский или русский тоже ничего не знает, редко кто слышал что-то о ней. Отчего же это происходит? А оттого, что литовская музыка еще покоится в народных песнях или записях, которые между тем имеют и музейную ценность. Эти песни словно глыбы драгоценного мрамора и ждут только гения, который сумеет извлечь из них бессмертные произведения...»

И наступит время, когда наши композиторы откроют это заколдованное царство и, черпая вдохновение из тех сокровищ, найдут в душе давно не тронутые струны, и тогда мы все лучше поймем себя, ибо это будет настоящая литовская народная музыка.

Сегодня на этой музыке растут и воспитываются юные «чюрленята» — так называют себя и малыши-первоклашки и гордые однадцатиклассники. Впрочем, им есть чем гор-

диться. В прошлом году в Западном Берлине проходил своеобразный чемпионат мира среди молодежных оркестров, и там струнный оркестр «чюрленята», признанный лучшим в нашей стране, завоевал золотую медаль, став победителем Международного конкурса. Это было сенсацией для руководителей американских, японских, австрийских оркестров. Они, если можно так выразиться, склонили дирижерские палочки перед народным артистом Литовской ССР Саулюсом Сондецкисом, который привез музыкантов из нашей страны.

Я побывал на репетиции этого оркестра. А потом мы сидели в большом, пустом зале и беседовали с Сондецкисом.

— Двадцать два года работаю я в этой школе, — рассказывал он. — Бывает время, когдарываешься на части, стараешься успеть сразу в три места, но если куда и опаздываю, то не в школу: а ведь я главный дирижер заслуженного коллектива республики камерного оркестра Литовской государственной филармонии и к тому же заведующий кафедрой струнных инструментов в консерватории. Работать со взрослыми музыкантами, конечно, интересно. Но нет людей, более преданных и верных музыке, чем дети! Многих из них я приглашаю в свой взрослый оркестр. Цепочка: школьный оркестр — консерватория — камерный оркестр — стала настолько крепкой, что из двадцати музыкантов моего камерного оркестра пятнадцать — бывшие «чюрленята».

Единая школа, общий творческий стиль — об этом мечтают многие дирижеры. Для меня эта мечта стала явью: я воспитываю коллектив единомышленников со школьной скамьи. И еще. «Чюрленята» не только общаются с художниками и хореографами, но изучают всерьез основы живописи и скульптуры, аккомпанируют на школьных балетных спектаклях. Все это так их обогащает, что в той же консерватории они на голову выше и творчески интереснее питомцев других школ.

Мы долго беседовали с Саулюсом Сондецкисом, но вдруг я заметил в зале одинокую девичью фигурку.

— А это кто? — спросил я.

— Где?.. Господи, что я натворил! — сокрушенно вздохнул Сондецкис. — Это же Аушра, хранительница дирижерской палочки.

Традиция хранения палочки родилась во время одного из конкурсных концертов в Западном Берлине. После заключительных аккордов в знак признательности Сондецкис отдал свою дирижерскую палочку одной из лучших скрипачек, Аушре Русяцкайте. С тех пор она носит палочку maestro вместе со своей скрипкой и расстается с ней только во время концертов и репетиций.

Сондецкис что-то ласково сказал девушке и торжественно передал ей палочку. Аушра не менее торжественно ее приняла, бережно положила в футляр, вежливо попрощалась и что есть духу припустилась по коридору.

Традиции... Школе всего двадцать девять лет, а традиций сложилось уже немало. Скажем, первого сентября здесь традиционно не бывает никаких уроков. В этот день все собирается в актовом зале. На сцене — педагоги, однадцатиклассники и первоклашки. Директор представляет всей школе будущих выпускников, а те — первокурсников. Потом все садятся в автобусы и с цветами едут на кладбище, где похоронены учителя, отдавшие школе не один десяток лет.

А вот 9 Мая собирается сводный школьный хор. Присоединяются к нему и многие выпускники, работающие в разных уголках республики. Хор выстраивается полукругом у братской могилы воинов, павших при освобождении Вильнюса, и поет «Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат». Потом звучит литовская народная песня, где говорится, что павшие пусть не тревожатся: хлеба будут вовремя посеяны и убраны, и дом, который они строили, никому не порушить.

Тихую эту песню слышит весь город. И плачет.

Слышал эту песню и я. Слышал ветреным зимним днем. Пел ее не хор, а две молодые девушки: Эгле и Рута, пианистка и балерина, — на обратном пути из Друскининкай, там, где была деревня Пирчюпис. В июне 1944 года фашисты сожгли эту деревню вместе со ста девятнадцатью жителями. Теперь

там стоит у обочины дороги окаменевшая от горя Мать. Даже в холодные зимние дни у ног Матери пламенеют гвоздики...

III

Пять лет назад школе Чюрлёниса за успехи в эстетическом воспитании была присуждена премия имени Ленинского комсомола. Я думаю, имелось в виду не только эстетическое, но также патриотическое и нравственное воспитание. Дело, конечно, не в премии. Но то, что я видел и слышал в Пирчюписе, говорит о многом.

— Нравственное воспитание — основа основ. Мы на этом стояли, стоим и будем стоять! — утверждает директор школы Витаутас Серейка. — Если у артиста, будь он музыкантом, художником или танцовщиком, холодное сердце, если он играет, поет или лепит, но не ищет ключа к людским сердцам, если в основе его творчества нет гражданственности, такой человек не имеет права называться артистом. У нас множество всевозможных медалей, кубков и дипломов, завоеванных на всесоюзных и международных выставках и конкурсах, и это, конечно, приятно. Но больше всего мы гордимся теми нравственными устоями, которые на всю жизнь закладываем в души учеников. «Чюрленята» тянутся к народной музыке, народному танцу, народной скульптуре. Их недаром пестует Иполитас Ужкурнис, мастер мастеров.

Через час мы были у Ужкурниса в мастерской. Весело и чуточку хитровато он сверкнул синими-пресиними глазами, улыбнулся и так стиснул ребят, что те ойкнули.

— Ну, что, поучить старика пришли?.. Я ведь работаю не от бумаги, а от дерева.

— Как же без эскиза? — спросил кто-то. — Мы сперва рисуем, потом лепим из пластилина и только после этого переводим в дерево.

— А если предложат мрамор или, скажем, гранит?

— Нет, мрамора не надо. Мы любим дерево.

— Вот это хорошо! — обрадовался Ужкурнис. — Помните, ребята, дерево — это наш, литовский мрамор. Деды и прадеды с дубом работали. И такое сделали, что век глядишь — и не наглядись! Ты, Бенес, старые столбы видел?

— Конечно. Даже около нашей деревни.

— Ну и как?

— Потому и в школу поступил...

— Правильно сделал... Мне-то было не до учебы: в детстве пас коров, потом работал, воевал, был ранен, заслужил медаль «За отвагу», а вернулся домой — ни отца, ни матери: убили бандиты-националисты. Пошел на стройку, плотничал, и только в шестьдесят пятом, когда мне стукнуло почти что сорок, выставил первую работу — «Пахаря», почетную грамоту получил, и пошло... Теперь на моем счету четыреста скульптур. Сейчас заканчиваю «Битву при Грюнвальде...». Кто это, на коне?..

— Князь Витаутас, — ответил Альфонсас.

— Ты смотри! Значит, похож! — сказал довольный Ужкурнис. Потом схватил стамеску и несколько минут сосредоточенно стесывал ненужный выступ на гриве княжеского коня, так же неожиданно отложил инструмент и спросил: — Слушай, парень, а с чего ты начинаешь вырубать фигуру?

— С общего силуэта.

— А я начинаю от глаз. У меня глаза все решают: добрые — значит, и фигура крепкая, размашистая. Если же злые, то делаю горбуна или какого-нибудь пса-рыцаря. Трусавые — значит, вот этот прощелыга, — видишь, за спину князя прячется.

А потом пошел разговор сугубо профессиональный. Старый мастер показывал ребятам свои инструменты, объяснял, как ими пользоваться. В конце концов дал ребятам топоры и предложил обтесать здоровенное бревно. Те сбросили куртки, закатали рукава, и работа закипела...

А я смотрел и думал, как здорово им повезло: какое это счастье встретиться с таким человеком, как Иполитас Ужкурнис, и перенять у него хоть малую толику мастерства, чтобы идти все дальше по дороге Чюрлёниса.

ВETERАН РЕВОЛЮЦИИ

Впервые с Иваном Матвеевичем Кузнецовым мне довелось встретиться на областной конференции общества «Знание». Слушая выступление ответственного секретаря общества, я смотрел на седого человека, сидевшего в президиуме конференции. Грудь его украшали орден Ленина, три ордена Красного Знамени и четыре медали... В перерыве мы познакомились. Я уже многое знал о жизни И. М. Кузнецова, но по-настоящему проникся уважением и любовью к нему после совместной поездки в село Старый Чирчим, куда пригласили ветерана революции. Иван Матвеевич много встречался с колхозниками прямо на полевых станах, на фермах. Ему было что рассказать молодежи. У него была бурная, полная событиями жизнь, он видел и слышал В. И. Ленина.

...С ранних лет Иван Матвеевич батрачил с отцом в Нижегородской губернии. Нередко вместе с другими бурлаками уходил и на заработки вниз по Волге. Чтобы прокормить семью, трудились от восхода до захода солнца. Каждую заработанную копейку отдавали матери.

А потом из далекого Баку приехал на побывку ее родной брат и забрал Ивана с собой на каспийские промыслы. Каких только профессий не пришлось переменить смывшему пареню! Он работал слесарем, кочегаром, помощником машиниста, плавал на пароходах по Каспийскому морю.

Свое боевое крещение Иван получил, когда участвовал в стачке моряков. В то время ему было всего лишь шестнадцать лет. Моряки требовали от хозяина пароходной компании улучшения условий труда и повышения жалованья. Хозяин всячески уклонялся от выполнения этих требований. Тогда решили начать забастовку. В качестве пикетчика на пристань послали Ивана — блокировать дорогу к пароходам. Не обошлось тогда без драки со штрейкбрехерами, без жандармов, которые посадили молодого пикетчика в бакинскую тюрьму. Это было первое испытание, и царская тюрьма лишь укрепила решимость Ивана в борьбе за лучшую жизнь.

Шла первая мировая война, и Ивана призвали в армию, зачислили в пехоту, но в действующую армию он так и не попал. Направили его в авиационные мастерские седьмого авиационного истребительного отряда.

Начались бурные революционные дни. Во многих воинских соединениях создавались солдатские комитеты. Опытные питейские рабочие — большевики Голубев и Кузьмин выдвинули Кузнецова в состав солдатского комитета.

— Февральская революция, — вспоминает Иван Матвеевич, — застала меня под Петроградом. Помню, тогда в Гатчинской авиационной школе много говори-

И. М. Кузнецов.
1968 год.

Командир кавалерийского коммунистического отряда Иван Матвеевич Кузнецов, сентябрь 1918 года.

ли о Ленине. То, что делал Ленин и за что он боролся в условиях царизма, мне было понятно и близко. Тогда возникло желание стать большевиком.

Вот как это было. Третьего апреля в наш барак под Гатчиной пришел солдат Голубев и сказал:

— Кто хочет встречать Ленина, быстрее собирайтесь!

Я и пятеро моих товарищей на дачном поезде доехали до Петрограда. На Финляндском вокзале рабочий Питер вышел встречать вождя революции, который возвращался из эмиграции.

Вся площадь была ярко освещена прожекторами, расцвечена красными флагами, транспарантами.

К перрону подошел поезд, и как только В. И. Ленин вышел, матросы подхватили его и понесли на руках. В. И. Ленин выступил с речью о необходимости

сти социалистической революции...

Эта встреча с Лениным так потрясла И. М. Кузнецова, что он твердо решил вступить в ряды Российской социал-демократической рабочей партии большевиков. И вот в апреле 1917 года ему вручили партийный билет, самый дорогой документ, который указал путь в революцию, в неспокойную жизнь за дело трудового народа.

1918-й — год напряженной борьбы против интервенции, ставленников империализма. Партия направляет И. М. Кузнецова на шестимесячные курсы организаторов-агитаторов Всероссийской коллегии по организации и формированию Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Пятого февраля 1918 года на курсы приехал В. И. Ленин. Все курсанты, одетые кто как — в шинели, пиджаки, полушубки, — собрались в одной из

комнат реквизированного особняка Родзянко. Владимир Ильич вошел в комнату, поздоровался, снял с себя пальто и шапку, повесил на спинку кресла. Без всяких официальных и формальностей стал беседовать с курсантами. Все внимательно слушали волнующие слова вождя, который говорил о необходимости борьбы с кулачеством, с разрухой в деревне.

«Вам, товарищи, предстоит трудная, но благодарная, как я уже сказал, работа: наладить хозяйство в деревне и укрепить Советскую власть...» — напутствовал Ленин будущих агитаторов. — Война внешняя кончилась или кончается. Это решенное дело. Теперь начало внутренней войны. Буржуазия, запрятав награбленное в сундуки, спокойно думает: «Ничего, мы отсидимся». Народ должен вытащить этого «хапалу» и заставить его вернуть награбленное. Вы должны это провести на местах».

Владимир Ильич говорил просто и доходчиво. Эта встреча с вождем революции осталась в памяти И. М. Кузнецова на всю жизнь...

После окончания курсов И. М. Кузнецову выдали документ, который сейчас хранится в Центральном государственном архиве Советской Армии... «Дано сие агитатору Кузнецову Ивану в том, что он уполномочен организационно-агитационным отделом Всероссийской коллегии по организации и формированию Красной Армии на предмет ведения агитации по городу Петрограду за создание Рабоче-Крестьянской Красной Армии».

Отряды Красной Армии формировались в Петрограде из рабочих, солдат, матросов. Они понимали, что идут защищать свою Советскую власть. Сказывалась в этом и большая организаторская работа большевистских агитаторов, несших в массы ленинские идеи.

Ездил И. М. Кузнецов в Арзамас, Баку, Симбирск. По военным дорогам гражданской войны коммунист Кузнецов прошел с коммунистическим отрядом численностью до 900 сабель. Лихого кавалериста знали враги. Его отряд подавлял кулацкое восстание, участвовал в боях против Колчака у железнодорожных станций Ютаза, Туймаза, Зай, Бугульма, воевал на Южном фронте, о котором часто напоминали раны, полученные в боях.

Иван Матвеевич Кузнецов, и уйдя на пенсию, как член общества «Знание» часто встречался с пензенскими комсомольцами, молодежью областного центра, рассказывал им о бурных днях революции, делился впечатлениями от встречи с В. И. Лениным. Пусть о ветеране революции узнает нынешняя молодежь.

В. БЕРДНИКОВ,
член КПСС с 1952 года,
бригадир колхоза «Родина»

Чабан-наставник Д. Оразов со своими подопечными — М. Чортонбаевым и С. Дубановой.

На заоблачной зимовке.

Мы поставили большую задачу — обеспечить бесперебойное снабжение населения высококачественными, полноценными и разнообразными продовольственными товарами. В этой связи особое значение приобрело сейчас увеличение производства мяса и мясных продуктов, а значит — дальнейшее развитие животноводства. Нет сомнений, что мы этот вопрос решим.

Л. И. БРЕЖНЕВ.

Из речи на XVI съезде профессиональных союзов СССР.

ТАМ,

Сейтбек Култаев.

Вячеслав КОСТЫРЯ,
фото В. СВАРИЧЕВСКОГО,
специальные корреспонденты
«Огонька»

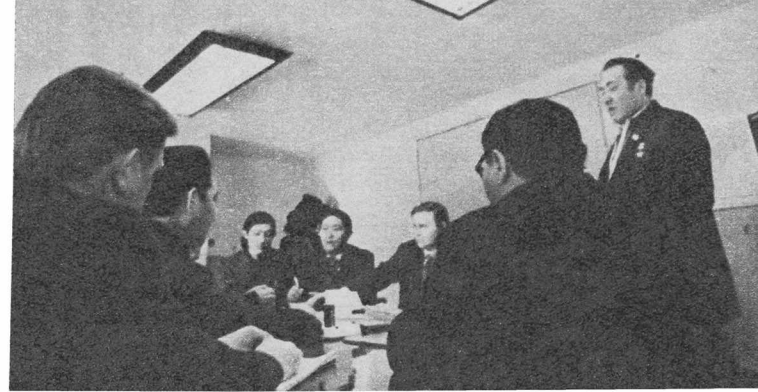
Сколько бы ни было встреч с высокогорной Киргизией, ощущение, что ты проник в сказочный мир, не оставляет тебя. Лиловые порфиры, темные карбонаты, красновато-серые граниты, среди которых наша машина кажется просто быстро бегущим жуком, вздыблены с такой немислимой крутостью, что даже неисчерпаемый снег нынешней зимы не держался на них. Облака бродят по склону горы, перекачиваясь диковинными снежными комьями.

— Слово отара мериносов! — по-своему увидел эти облака наш спутник Асам Камалович Камалов, воспитанник Московской ветеринарной академии, удостоенный звания Героя Социалистического Труда за успехи в животноводстве. Ныне он первый секретарь Калининского райкома партии. Курс этого района самый современный — на подъем! Следует подчеркнуть, что прямой и переносный смыслы этого слова здесь совпадают: созрела хозяйственная ситуация, когда дальнейшее развитие здешнего животноводства целиком зависит от технического и культурно-бытового освоения высокогорных пастбищ, то есть от подъема на заоблачные пастбища. Там, за облаками, новые, неиспользованные резервы концентрации и специализации производства, а значит, и его

эффективности. Довольно овцематкам быть «восходителями», нести потери и калечиться на перевогах с равнин Чуйской долины к трехкилометровым высотам Сусамырских пастбищ и обратно!

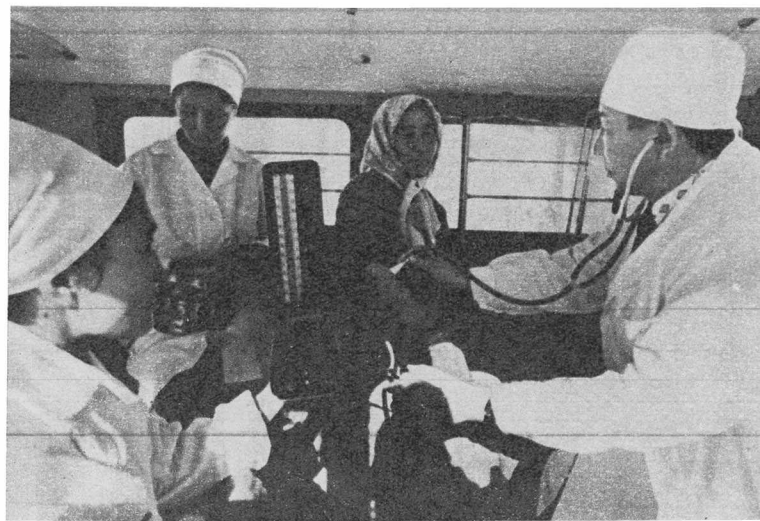
— В перспективе только по нашему району поголовье овцематок увеличится со ста двух тысяч до ста двадцати, из которых семьдесят тысяч смогут зимовать на Сусамыре. Подчеркиваю — зимовать, — говорит Асам Камалович.

— Обратите внимание, едем мы на юг, а что ни километр, то холоднее, — исподволь готовит нас «к Сусамыру» еще один пассажир нашей машины — председатель Калининского райисполкома Владимир Константинович Долматов. — Вроде бы мы в южном полушарии и впереди Антарктида... Перевалим через Тюзашу, что на высоте три тысячи двести метров, и, считай, приехали... Несколькими годами назад перевал этот был повыше, и тогда преодолеть его в непогоду мог разве только местный богатырь Кожомкул... Ехал он однажды на коне по выючной тропе и на самом вершине попал в такую снежную круговорот, что конь шагу не мог ступить. Пришлось Кожомкулу нести его на себе... Но ведь отару в тысячу голов на плечи не взвалишь! Тут в цене не физическая сила, а предусмотрительность и чабанская мудрость, именно чабанская, потому что без привычки и выносливости в горах по-прежнему делать нечего. В память о богатыре из Сусамыра в Киргизии учрежден особый борцовский «приз Кожомкула». Но слава от стойбища к стойбищу идет ныне и о других героях, — продолжал Долматов. — Как-то такой же снежной зимой полонил стойбища метровый

На совещании сусамырского штаба выступает первый секретарь Калининского райкома партии А. К. Камалов.

Еженедельный медицинский контроль.

ЗА ОБЛАКАМИ

снег — до травы не то что овечьим копытцем, а и, почитай, бульдозером не пробьешься. Запасы кормов тают на глазах. Что делать? Погнали чабаны отары выше. В пути на них обрушился такой снегопад, задул такой шквальный ветер, что все повернули свои отары назад и начали труднейший спуск. Все, кроме одного чабана. Тот же отправил вниз лишь слабых овец, которым оставшихся на стойбище кормов хватило бы до самой весны. А остальных он погнал вперед, к вершине. Решение это было не только смелым, но и дальновидным: чем круче склоны у вершины, тем скорее ветер освободит от снега травяной покров!.. Многих сотен овец недосчитались в тот год чабаны, а этот смельчак с целехонькой отарой спустился на стойбище как раз к Первому мая...

Попытки узнать фамилию этого чабана, к сожалению, не увенчались успехом. Кстати, никто не смог нам назвать и фамилии Кожомкула. Подумалось, не к фольклорному ли родничку мы припали? От подобной безымянности всего шаг до нарицательности: уж очень хорошо этот жизненный случай передает духовную суть современного чабана.

С одним из сегодняшних героев мы познакомились несколько часов тому назад в низинной части Чуйской долины, в колхозе «За линию ЦК КПСС». Им был старший чабан Сеитбек Култаев, под опекой которого две отары по полтысячи овец в каждой. Ближайшие его помощники — жена, старшая дочь с мужем, сыновья.

В чабанском домике на столе мы увидели газету «Советская Киргизия» с отчетом о собрании партийно-хозяйственного актива республики. Рукой Сеитбека Култаева подчеркнуты слова из доклада первого секретаря ЦК Компартии Киргизии Турдакуна Усубалиевича Усубалиева: «Характерным для нашей партии, ее ленинского Центрального Комитета, Политбюро, лично Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Леонида Ильича Брежнева является четкое определение конкретных задач на тот или иной период деятельности партии и всего советского народа по выполнению грандиозных задач коммунистического строительства». И далее: «В 1977, юбилейном году... в целом по республике надо получить не менее... 96 ягнят на сто маток... добиться настрига шерсти с одной овцы не менее 3,3 килограмма».

Зная эти цифры, нетрудно оценить смелость обязательств Сеитбека Култаева в честь 60-летия Великого Октября: 156 ягнят от каждых 100 маток, 5 килограммов шерсти с каждой овцы...

И это в нелегких для киргизских животноводов условиях, когда полуметровый снег с ледяной коркой прикрывает выпасы. Серьезной проблемой стала охрана заготовленных кормов от диких животных. Отощавшие сайгаки набрасываются на колхозные скирды, наиболее храбрые из них запрыгивают даже в выгульные дворы для овцематок, где лежит толстая соломенная подстилка. Однажды привязал к стogu сторожевую собаку, а наутро

нашли ее растоптанной сайгачьими копытами — голод не тетка! Счастье, что корма заготовлены с хорошим запасом, и у чабанов в зимнюю окотную кампанию осталась одна забота: не потерять ни единого ягненка.

В эту пору на сон — считанные часы. Счастливая улыбка на усталом, с покрасневшими глазами лице — таким мы увидели Сеитбека Култаева в родильном отделении кошары. Еще пошатывающиеся на тонких ножках ягнята доверчиво тянутся к его рукам, тех, кто послабее, чабан подкармливал молоком из соски.

— Вчера утром впервые в нынешнем году надел белую сорочку с галстуком и поехал не в кошару, а на торжественное заседание в райцентр, — все так же улыбаясь, рассказывает Сеитбек Култаев. — Около ста высоких наград Родины были вручены калнинцам, мне — орден Ленина. Это уже третий...

— Как вы думаете, — задал я ему неожиданный вопрос, — кем будут ваши дети?

— Кем быть, пусть сами решают. У меня их восемь, и пока все неравнодушно к овцам и коням. Кроме разве самого старшего... Он рос, когда все делалось по старинке, вручную... А вот уже Джундошбек — он сейчас в Советской Армии — знает и механизированную стрижку и разные машины по добыванию и приготовлению кормов, а вольный воздух заоблачных пастбищ он полюбил настолько, что в каждом письме пишет: «Отец! Готовь мне отару и коня!»

— Не заскучает ли в чабанском одиночестве?

— Какое одиночество! — удивился Култаев. — Теперь у нас бригады, в них много молодежи. У чабанов-наставников голова болит от транзисторов и гитар... И еще скажу. Что это за чабан, если ему скучно наедине с самим собой или с хорошей книгой!

...И вот он, бьющий в лицо ветром Тюзашу.

Давно уже нет здесь карабкающейся в небеса вьючной тропы. Вместо нее — бетонированный въезд, буквы «М» на арке — автограф московских метростроителей. Мягко раздвигаются и затем смыкаются дверные шторы, и машина движется по оранжевой теплыни почти трехкилометрового тоннеля, освещенного гирляндами электроламп.

Когда раздвинулись выездные шторы, нас ждал еще один сюрприз: за перевалом уже не было ветерка. Мы въехали в голубовато-фарфоровое царство причудливых снежных передувов, сквозь которые бульдозерами и скреперами пробита глубокая траншея к лежащей на километр ниже Сусамырской долине.

— Сусамыр для нас теперь — дом родной! — говорит Камалов. — На базе машинно-животноводческой станции здесь создано головное овцеводческое объединение для обслуживания хозяйств нескольких районов. Поселок с пяти тысячным населением, или, как его называют, Сусамырский культурный центр, — стартовая площадка для строительства в долине специализированных комплексов с теплыми кошарами, кормоцехами. Сколько молодежи найдет на этих комплексах применение своим силам и знаниям!.

Из вечерней сини вдруг брызнула хрустальная россыпь огней поселка Сусамыр, и вскоре открылся он весь с его жилыми кварталами и административным центром, домом быта и тремя школами, гостиницей и интернатом, узлом связи и магазинами, фельдшерско-акушерским пунктом и клубом.

Одна за другой открывались нам удивительные реальности этого заоблачного комбината золотого руна.

Но о них пусть лучше скажут те, кто здесь живет и работает, кто хорошо знает тружеников высокогорья.

Директор объединения С. Солтобаев:

— Летом здесь пасется около двух миллионов овец. Дело идет к тому, чтобы значительная часть их оставалась и на зимовку.

Заместитель директора объединения С. Османов:

— Чем больше овец с круглогодичным содержанием на высокогорье, тем выше эффективность нашего овцеводства.

Секретарь парткома объединения М. Калыйбеков:

— Строительство специализированных комплексов успешно решает проблему молодых чабанских кадров.

Заведующий сельхозотделом ЦК КП Киргизии Р. Садынов:

— В республике насчитывается более трехсот комсомольско-молодежных чабанских бригад... За выдающиеся показатели в труде и активное участие в переводе овцеводства на промышленную основу бригадиру комсомольско-молодежной бригады «Эдельвейс» Абазбеку Исмаилбекову из колхоза имени Карла Маркса, Тянь-Шаньского района, присуждена премия Ленинского комсомола.

Председатель сусамырской сельпо Н. И. Пеньков:

— Закон высокогорья: все лучшее — чабанам и их семьям. Невыполненных заявок не бывает, товары доставляются на самые отдаленные пастбища, каждый продавец — шофер, наездник, альпинист. Наш ежегодный товарооборот — свыше двух миллионов рублей.

Врач Н. Рысалиев:

— Раз в неделю — обязательный профилактический медосмотр каждой чабанской семьи. Почтальон Касымалы Токолдоев:

— Ни горы, ни погода не помеха. Зимний суточный маршрут сто километров, летний — все триста. Не случайно же мне, почтальону, присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Выпускник сусамырской средней школы Мукан Чортонбаев:

— При помощи таких опытных чабанов-наставников, как Джаныпбек Оразов и Сапарбек Мамбетов, дело у меня пошло хорошо, вожу отару в пятьсот семьдесят голов.

Десятиклассники сусамырской средней школы: Тынчтык Кулкобанов, Бурулкан Турсунбекова, Лена Пенькова, Сатыбек Бегимкулов, Калима Исмаилова, Гульмира Ахметалиева, Сары Уманаева, Сагыйна Дубанаева — решили организовать комсомольско-молодежную овцеводческую бригаду «Сусамыр» по примеру «Эдельвейса».

Чабан Сапарбек Мамбетов из колхоза «Победа»:

— Выход чистой шерсти у наших овец составляет почти шестьдесят процентов! На пять процентов больше, чем даже у такого мастера, как Сеитбек Култаев из равнинного колхоза «За линию ЦК КПСС». А почему? На высоте в воздухе ни пылинки, вода — вершинная, трава — чистый изумруд. Отсюда и качество. Наше руно воистину золотое, хотя и бело, как сусамырский снег!

«И СЕРДЦУ ДОРОГ КРАЙ РОДНОЙ...»

М. П. СОКОЛЬНИКОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

Татьяна Павловна Радимова родилась в 1916 году на Волге и всю жизнь неразрывно связана с русской природой. Отец ее, Павел Александрович Радимов, известный советский поэт, был одновременно популярным художником-пейзажистом. Редкий день он не бродил с этюдником по окружающим лесам и полям. В атмосфере поэзии, изобразительного искусства и музыки (мать хорошо играла на пианино), во встречах с интересными творческими людьми прошла юность и молодые годы Тани. Особенно счастливым был для нее период, когда семья Радимовых поселилась в Абрамцеве, неподалеку от бывшего имения Аксаковых, а позднее Давы Мамонтова. Природа этих мест Подмосквы, уже давно привлекавшая к себе лучших художников, исключительные красоты лесов, полей, речки Вори и прибрежных круч, стала первым источником ее живописных пристрастий.

Татьяна на всю жизнь впитала чувство сердечной привязанности к русской природе, а отсюда и вообще к пейзажу. Она могла бы сказать словами своего отца:

Какой простор! Руси великая краса!
Тебя забыть нельзя и разлюбить нет силы.
Над головой светлы, высоки небеса,
И сердцу дорог край родной, любимый, милый.

Часто бродили они вдвоем по местам этюдной работы, и глаз дочери выбирал «радимовские» мотивы пейзажа, постигал увлечение широким цветом, поэтическое отношение к натуре, внимание к состоянию природы, к ее деталям. Вместе с тем Татьяна училась у отца главному свойству живописи — передаче безусловной правды жизни, ясному языку изображения. Истинный реалист, последователь лучших демократических традиций, Павел Александрович не случайно был одно время председателем Товарищества передвижных выставок и первым председателем Ассоциации художников революционной России.

В 1936 году отец везет дочерей в Туркмению. Новизна пейзажей, яркая, пестрая природа и быт народа увлекают их, они пишут в Азии серию этюдов. На своей отчетной выставке в Москве отец уступает одну стенку дочерям. Таня имеет большой успех, и несколько ее этюдов покупают выдающиеся деятели искусства А. В. Нежданова и Н. С. Голланов.

В том же году она поступает в Московский художественный институт (ныне Суриковский), где ее руководителем становится видный советский живописец Г. М. Шегаль. У него она проходит школу серьезной живописной культуры, повышает мастерство и заканчивает институт вместе с группой талантливых молодых живописцев, скоро ставших известными советскими художниками.

В послевоенные годы Татьяна Радимова начинает регулярно участвовать в выставках Московского отделения Союза художников, сначала в молодежных смотрах, затем успешно показывает свои работы на всесоюзных выставках и в Центральном Доме литераторов, ее произведения печатаются на страницах массовых советских журналов.

Развивая традиции отца, Т. Радимова культивирует в своем творчестве небольшие размеры произведений, хотя в ее практике встречаются и холсты большого масштаба. Но и в маленьких этюдах художник стремится к глубокому обобщению, к «картинному» выражению сюжетов. Она смело и проникновенно видит состояние природы в сложной изменчивости, не подменяя их стандартными, «дежурными» впечатлениями. У нее все детали пейзажа окутаны воздухом: воздух в ее работах всегда ощущается зрителем как одна из главных доминант природы. Татьяна Павловна отлично решает небо, особенно летнее или весеннее, выписывая сине-голубую ткань небесного пространства тончайшими живописными нюансами. Живопись ее крепкая, «фактурная» и в то же время очень русская, напевная.

За сорок лет творческого труда определился и круг тематических устремлений Татьяны Радимовой. Она создала целые пейзажные сюиты, в которых любовно запечатлены «писательские места». В них художник всегда связывает дорогие народу уголки природы с душой творчества наших великих поэтов, прозаиков, с их сокровенными думами и мечтами.

И едва ли не самое большое и задушевное воплощение нашли в ее творчестве пейзажи Абрамцева. Это целая поэма о русской природе, о ее своеобразной национальной красоте.

Т. Радимова. Род. 1916. ЛЕНИНГРАД. 1951.

СКАМЬЯ ОНЕГИНА. 1974.

Т. Радимова. РЕКА ВОРЯ. 1976.

ОСЕННИЙ ДЕНЬ. 1971.

Ч

Глава XII

С ПОВИННОЙ...

еловек, ехавший из Вены в Москву в одном купе со Станиславом Михайловичем, наверняка никогда в жизни не имел столь мрачного и неразговорчивого спутника. За всю дорогу, продолжавшуюся тридцать три часа, Паскевич не вымолвил ни слова. Только вздыхал. Эти вздохи сосед его слышал и ночью, когда просыпался от неожиданных остановок поезда.

Очень удивил Станислав Михайлович и носильщика на Белорусском вокзале. Когда носильщик погрузил на свою плоскую тележку три увесистых чемодана, их хозяин велел сначала ехать на стоянку такси. Однако, еще не разгрузившись, носильщик получил новый приказ: «Давайте в камеру хранения». Но не это поразило ко всему привычного носильщика. Главное, у пассажира был какой-то вороватый вид, он все время оглядывался по сторонам, как бы готовый в любую секунду задать стрелка, оставив чемоданы на тележке. Обычно пассажиры вагонов, прибывающих из-за границы, так несолидно себя не ведут...

Но чемоданы были сданы в камеру хранения (один из них, самый малый, Станислав Михайлович взял с собой), носильщик получил пятачок и через пять минут забыл о своем чудном клиенте, который меж тем снова вышел на площадь и взглянул на башенные вокзальные часы. Они показывали без четверти десять. Станислав Михайлович постоял в нерешительности, уныло глядя на длинный хвост очереди за такси, повернулся и зашагал в метро. Тут он остановился у телефонов-автоматов и подождал, пока не освободится кабина. Моментами он запаса еще в поезде.

Жена начинала работу в девять, поэтому Станислав Михайлович звонил, будучи уверен, что застанет ее на месте. Происшедший разговор удивил Александру Ивановну гораздо больше, чем поведение ее мужа удивило носильщика.

— Шура, здравствуй. Я приехал, — сказал Станислав Михайлович просто-таки трагическим голосом.

— Почему ж не написал ничего, телеграмму не дал? — с укоризной спросила она.

— После, Шура, после. Произошла серьезная неприятность.

— Откуда ты? Из дома?

— С вокзала. Мне надо кое-куда заехать.

— Ничего не понимаю, — растерянно сказала Александра Ивановна. — Ради бога, в чем дело?

— Потом, Шура. Не ругайся, если что... Лену поцелуй. — И он повесил трубку.

...В половине первого Станислав Михайлович беседовал в небольшом кабинете здания на площади Дзержинского с оперативным работником, и в нем уже не чувствовалось нервозности, разве что был он немного возбужден. Он повествовал о своих венских похождениях — со всеми подробностями, не пропуская ничего. По лицу оперативного работника, молодого человека, по видимости, невозму-

тимого, все же было заметно, что рассказ этот его сильно заинтересовал.

Разговор был долгим, до позднего вечера, и прерывался лишь два раза — когда оперативный работник звонил по телефону какой-то женщине и просил принести из буфета бутербродов и чаю.

...Нам уже известно все, что произошло со Станиславом Михайловичем, вплоть до того момента, когда мистер Роджерс, внося необходимый залог, освободил его из полицейского участка, где Станислав Михайлович очутился после драки в дансинге. Вот его показания начиная с этого момента.

«Чувствую, что качусь в грязь, а как остановиться — не знаю. А Роджерс только улыбается — мол, когда же и погулять, если не в отпуске. Я ждал брата, но он все не возвращался. Денег у меня совсем не осталось, а тут Фанни намекнула, что хотела бы получить что-нибудь на память обо мне. Она любила браслеты. Я попросил заимообразно у Роджерса... вернее, не попросил, как-то разговаривали на эту тему, и он одолжил двести долларов... Да залог, как он сказал, составлял тысячу... Не считая того, что прогуляю... В общем, мне нехорошо становилось. Откуда же столько возьму, как расплачусь? Но Роджерс успокаивал, говорил: у брата денег хватит.

Вел я себя, конечно, как последний дурак, безобразно вел, но просто не могу понять, как все это происходило. Слово я не я. Но это не оправдание, конечно. Не маленький, должен бы соображать. Да что поделаешь — не хватило, значит, ума. В общем, гулянка продолжалась, а чем все кончилось, страшно вспоминать...

Дело было так. Утром Роджерс объявил сухой закон, сказал, что надо отдохнуть, устроить разгрузочный день. Я был рад. Составили план, сели в его машину и поехали за город. Погода была хорошая. Солнышко. Отъехали километров двадцать — тридцать, он останавливается, говорит:

— Пройдемся немного, подышим.

Машину оставили на дороге, а сами поднялись немного в гору, и тут он спохватился.

— Слушайте, — говорит, — Станислав Михайлович, вы же ни разу не фотографировались.

Точно, я в Вене еще не успел сфотографироваться. Роджерс велел подождать, спустился к машине и вернулся с аппаратом — похож на наш «Киев», даже чуть больше.

Поставил он меня на обрыве, щелкнул несколько раз, потом говорит:

— Теперь вы меня. Он работает автоматически. Только смотрите в видоискатель и нажимайте.

Пока я разбирался, где там видоискатель, Роджерс исчез, испарился. Буквально через секунду слышу сзади, за спиной, шаги. Оборачиваюсь — двое в серых коротких пальто, в шляпах. Один на русского похож, он и говорит:

— Господин Паскевич, чем вы тут занимаетесь?

Кто такие, откуда меня знают — ничего не пойму. Стою, как идиот, а они уже аппарат у меня забирают и говорят: «Идемте с нами». И берут под локотки.

Спустились с холма на другую сторону — там на поляне большая машина стоит. Один сел за руль, другой со мною на заднем сиденье. И в город. Роджерс словно в воду канул.

Остановились у двухэтажного дома, где-то от центра порядочно. Вводят меня в комнату — на полицейский участок не похоже, хотя телефонов тоже много. За столом толстый человек сидит, листает бумаги. Двое, что меня привезли, поговорили с ним по-немецки, положили на стол фотоаппарат. Он сказал «гут», и приглашают меня пройти в коридор. Заводят в маленькую комнату — оказалось, фотолаборатория. Толстый начал со мной говорить через того, который по-русски понимает. Спрашивает:

— Это ваш аппарат?

— Нет, — отвечаю, — он принадлежит мистру Роджерсу.

— Но вас задержали с этим аппаратом в руках.

— Его дал мне Роджерс.

— Кто такой этот господин?

У меня визитная карточка Роджерса была, но там ничего не было сказано, кто он такой, а только телефон. Я дал толстому визитку, он прочел, говорит:

— Хорошо, это мы проверим, а сейчас при вас проявим пленку, посмотрим, что вы снимали.

Тут уж я закричал:

— Ничего я не снимал и ничего не знаю!

А те двое крепко меня под руки взяли — мол, спокойно. И почуял я, что пропадать окончательно.

В лаборатории, между прочим, был человек, видимо, ждал, но мне в голову еще не приходило тогда, что все заранее подстроено. Извините, но такой вот вахлак, не скоро соображаю.

Пленку проявили быстро. Делать с нее карточки не стали — повесили в шкафчик, она подсохла, и толстый вставил ее в какой-то аппарат и направил луч на стенку.

Смотрю, аэродром, самолеты. Следующий кадр — еще самолеты, но поближе снято. Толстый через переводчика спрашивает:

— Это... — Вот забыл: то ли Унебург или Шунбург он спросил, но какой-то «бург» — это точно. Я из рук рванул, но держали меня прочно. Кричу опять:

— Ничего я не снимал! Аппарат не мой!

Толстый крутит пленку дальше, вижу какой-то высокий забор с колючкой.

— А это что? — спрашивают.

Я понял, к чему все это, разобрался в конце концов. Говорю:

Знакомый почерк

дилось сталкиваться с чем-то весьма схожим, рука Роджерса и Дея — Скеенса — Паскевича была знакома, с той лишь оговоркой, что он знал их под другими именами.

Вышестоящий начальник был в курсе дела Фастова — Дея. На этом более высоком уровне линии пересеклись, и, естественно, возникла потребность сопоставлять. Нет, отнюдь не мгновенным озарением ума высветилась истина. Она добывалась по крупицам.

В схеме это выглядело так.

Совпадение дат пребывания в Советском Союзе мистера Дея и Казимира Паскевича заставило проверить, нет ли других совпадений. Они нашлись: и тот и другой выдавали себя за

бизнесмена-социолога из Канады; и тот и другой прекрасно знают русский; они одного года рождения.

Проверили, не значится ли Казимир Паскевич среди разыскиваемых государственных преступников. Удача. Оказалось — значится. Разыскивался как провокатор, работавший на оккупантов в Белоруссии в 1942—1943 годах. Розыски были безуспешны, дело казалось безнадежным.

Словесные описания внешности брата, которые давал Станислав Михайлович, совпадали с портретом мистера Дея. Станиславу Михайловичу предъявили в числе других пяти портретов внешне похожих мужчин карточку мистера

Дея. Станислав Михайлович без колебаний, с одного взгляда опознал брата.

С этой стороной дела все было ясно, и вроде бы пора уже произносить традиционное «круг замкнулся».

Но существовала идея, выдвинутая майором Сыроевым, и она требовала осуществления. Тем более что история Станислава Михайловича и доставленные им данные предоставляли для этого новые, дополнительные возможности. И еще одно подстегнуло контрразведчиков, занимавшихся делом Дея — Фастова. Если до этого момента ими руководило профессионально понятное желание обезвредить активного врага, то теперь еще прибавилась не ме-

нее понятная жажда справедливого возмездия.

Объясняется все житейски понятно. Когда стало известно, что мистер Дей и Казимир Паскевич — одно лицо, об этом сообщили генералу Баскову. Басков затребовал дело государственного преступника Паскевича, и его прочли все участники группы. У людей, самых разных по складу характера, по возрасту и по опыту, это чтение вызвало одинаковое чувство глубокого омерзения. Вкратце вот какова была деятельность Казимира Паскевича на службе у гитлеровцев в годы войны (попал он на эту службу еще в 1941 году во Франции, в Париже, где работал продавцом магазина мужского готового платья).

Оккупировав земли Белоруссии, гитлеровцы, как известно, вынуждены были вести ожесточенную войну с партизанами, которые действовали почти повсеместно. Одним из важных средств в этой войне они считали провокаторство, подрыв партизанского движения изнутри. Натуральный белорус, готовый сделаться провокатором, был для них находкой. Паскевич соблазнился возможностью нажиться и отправился в края, которые оставил в поисках лучшей жизни пятью годами раньше.

Для начала — после основательного обучения — его попробовали заслать в партизанский отряд, базировавшийся неподалеку от его родного хутора. Но еще на пути из районного центра к ближайшей деревне он повстречал земляка, который его узнал. Дело было в июле сорок второго, в полдень жаркого дня. Казимир Паскевич шел, прихрамывая, по пыльной дороге с котомкой за спиной и с палкой в руке — у него имелись документы, что он житель Гомеля, инвалид и потому свободен от всяких повинностей. Документы немцами были сделаны так, что каждый без труда обнаружил бы «липу», — это для отвода глаз.

Пыль надоела, и когда дорога вошла в перелесок, Казимир свернул в сторону, зашагал по траве. Потом услышал журчание ручья в овраге, захотелось пить. Спустился в овраг и тут наткнулся на полуголого парня лет пятнадцати, который стирал в ручье рубаху. Парень посмотрел на него сквозь пушистые белееские ресницы и сказал: «Дядя, а я вас знаю». Оказалось, парень из села, под которым лежал родной хутор Казимира. Казимир начал спрашивать о своих. Парень рассказал, что отца повесили немцы, мать умерла в заточении, а сам хутор сожгли. Где младший братишка Казимира, Стась, парень сказать не мог (кстати, Казимир Михайлович в гостях у брата в Москве говорил, что ничего не знает о судьбе родителей, — это и понятно, хотя выглядит мерзко).

Вроде бы все как нельзя лучше: с такой «родословной» к партизанам явиться не грех. Но отчего-то жутко сделалось Казимиру. Может, оттого, что он вдруг сообразил, что тут не шутки шутят, что борьба идет жестокая и беспощадная. И повернул назад.

Обер-лейтенанту, который снаряжал его, Казимир по возвращении напел с три короба — мол, никак нельзя ему в отряд, сразу разоблачат, а лучше использовать по другой линии. По любой, но только не в отряд, не в лес.

Тогда его сделали «подсадной уткой». Обер-лейтенант предупредил Казимира, что это еще опаснее, ибо люди, с которыми он будет сидеть в тюремных камерах, — народ тертый, они обладают особым нюхом на предателей. Может быть, именно это наставление и пробудило в Казимире гнусный артистический дар идеальной «подсадной утки». Как ни удивительно, его ни разу не били, хотя за год с небольшим он успел «отработать» в десятке тюрем и добыть весьма ценные для оккупантов сведения. Благодаря его умению перевоплощаться нацисты получили много улик и путеводных нитей, немало подпольщиков погибло в петле или от пули по милости Казимира Паскевича, хотя они вовсе и не подозревали об этом. Это стало известно из архивов уже после войны.

Так что, если генерал Басков и его товарищи и прежде не собирались прекращать операцию по изблужению Дея, то после ознакомления с архивным делом они считали эту операцию своей святой обязанностью.

Окончание следует.

Юрий ЛУШИН

Фото автора

НАСЛЕДНИКИ

В

автобусе пахло порохом. Водитель вел его маршрутом, вряд ли обозначенным в каком-либо из городских справочников. В самых неожиданных местах он делал остановки, и в двери входили странные пассажиры. Сначала протискивался огромный ружейный футляр и лыжи в матерчатом чехле, потом показывался их обладатель — примерная копия Тома Сойера, разумеется, в сибирском варианте. Как только таких копий набралось несколько, немедленно возник разговор о стрельбе, о мишенях, о лыжных мазах, гонках и штрафных минутах, — словом, о биатлоне. И пока мы ехали, ни разу я не слышал никаких мнений, допустим, о хоккее или фигурном катании. Видимо, юные рыцари лыжи и винтовки считали другие виды спорта предметом, недостойным для обсуждения.

Я внимательно смотрел на них, пытаюсь угадать возможного победителя сегодняшней гонки, но легче было выиграть по субботнему спортлото, потому что сегодня на открытом первенстве детско-юношеской спортивной школы биатлона при обществе «Локомотив» стартовало около семидесяти мальчишек... Поди взвесь их силы. Но

тренеры, судя по всему, все уже взвесили.

— Березкин Саша, — окликнул одного из парнишек заслуженный тренер СССР Антон Васильевич Осташов, — повнимательней следи за Ереминим.

— Ну да, — ломающимся баском засомневался Березкин, — куда ему, он же старик уже...

В автобусе покатались со смеху. Двукратный чемпион СССР по биатлону среди юношей, прошлогодний выпускник школы Александр Еремин был всего года на два, на три старше Березкина. Как раз на следующей остановке он вошел в автобус, и тактические разговоры поутихли. Автобус между тем миновал оживленные улицы, выехал на окраину Новосибирска и вскоре покати среди веселеньких березовых рощ. Сидя рядом со мной, директор школы биатлона Михаил Григорьевич Дурнев, сам бывший биатлонист, рассказывал:

— Наша школа в своем роде единственная. Она славна именами чемпиона мира и двукратного олимпийского чемпиона Виктора Маматова, Юрия Коломакова, Сергея Колодезева... Наши традиции мы будем хранить и развивать дальше.

— Я видел у вас мальчишек ростом с винтовку, но они уже стреляют.

— Не удивляйтесь, спорт молодеет, и биатлон тоже. Теперь в нашу школу прием начинается с девятилетнего возраста. К концу второй зимы все должны уже выполнять нормативы второго спортивного разряда. Юношеского, конечно. Потом создаются учебно-тренировочные группы обучения, в которых ребята совершенствуются пять лет, участвуют в различных соревнованиях. К тому времени каждый из них выступает в силу первого разряда, теперь уже мужского. Лучшие из лучших могут составить группу высшего спортивного мастерства.

— И тогда появляются чемпионы?

— Не сразу. Есть еще одно обстоятельство, без которого трудно добиться успеха.

— Какое же?

НА РУБЕЖЕ ДВУХ ВЕКОВ

В. О Р Л О В
П Е Р Е П У Т Ь Я

*Из истории
русской
поэзии
начала
XX
века*

В истории русской поэзии есть пласт недостаточно исследованный, а потому и притягательный. Захватывает он приблизительно двадцать пять лет — с последнего пятилетия века минувшего и до двадцатых годов нынешнего века.

«Прошлое безупречно, но упрекать его бессмысленно, а вот изучать необходимо», — говорил Горький на Первом съезде советских писателей. Только при полном освещении всего литературного движения той или иной эпохи, учитывая все многообразие участвующих в нем течений, возможно дать ис-

тинное, неискаженное представление о литературном прошлом.

Несомненно поэтому актуальность работ, посвященных русской поэзии рубежного периода. Многие поэты, работавшие в те годы и «крайне различные между собой», оставили непреходящие духовные ценности, художественное наследие столь значительное, что забывать о нем, проходить мимо него с закрытыми глазами невозможно.

В последние годы все чаще стали появляться публикации, посвященные поэзии этого периода. В журналах «Вопросы литературы», «Октябрь», «Новый мир», «Звезда» и других изданиях печатались статьи, стихи, письма, мемуары, неизменно вызывающие живой читательский отклик. Знакомству с творчеством поэтов начала века помогают регулярно выходящие заметными тиражами в Большой и Малой серии «Библиотеки поэта» сборники их стихов, все чаще включаются произведения этих поэтов в хрестоматии и антологии. Но исследователям этого периода предстоит еще немалая работа. И книга Владимира Орлова — заметный ее этап.

«Судьбы художников индивидуальны, даже при общности их идейных и эстетических воззрений. Живое творчество никогда не укладывается полностью

Вл. Орлов. Перепутья. Из истории русской поэзии начала XX века. М., «Художественная литература», 1976, 367 стр.

— Вот сейчас приедем, и я покажу.

Он так именно и сказал — «покажу». Я стал ждать. Вскоре автобус остановился, и из него высыпали наследники Маматова. Я огляделся и увидел редкостное по красоте место. По косоогорам и откосам толпились березы, сбегали вниз по склонам и снова карабкались на холмы. Куда ни взглянешь — кругом одни березы. Белые стволы, их, казалось, струили тихий свет, от которого пасмурное утро стало вроде бы яснее. Биатлонисты, не оглядываясь, пошли к небольшому деревянному дому. Я шагнул было за ними, но Михаил Григорьевич, тронув меня за рукав, сказал:

— Нам сюда.

Мы двинулись направо и через несколько метров оказались у какого-то недостроенного двухэтажного кирпичного здания. Здесь директор школы остановился и грустно сказал:

— Вот оно — это обстоятельство.

— Что это? — спросил я.

— Это наша база. В таком вот состоянии она два года. Никак не можем добиться, чтобы к зданию подвели теплотрассу и закончили отделочные работы. У нас преобладающая биатлонная трасса, по сложности отвечающая всем международным и олимпийским стандартам. У нас прекрасные тренеры. У нас есть современная диагностическая аппаратура, призванная помочь тренерам и спортсменам добиваться высоких результатов. Но аппаратура эта второй год на складе — негде установить. Сейчас пришло время проводить в день двухразовые тренировки, но для этого нужны условия: комнаты отдыха, душевые, столовая, учебные классы (ведь все ребята учатся), врачебные кабинеты — база, одним словом... А ребяташки у нас способные, вы их увидите.

...Первые участники уже срывались со старта и уходили на длинный подъем и, часто работая палками, исчезали за пригорком. Там лыжня ныряла вниз, на замерзшее озеро, кружила вокруг холма, делала резкие повороты, снова вела

на подъем, и, наконец, пологий спуск выносил биатлонистов к стрельбищу.

Десятикилометровая гонка стремительна и быстротечна. Еще и треть спортсменов не ушла со старта (они уходили с минутным интервалом), а на огневом рубеже уже раздались частые хлопки выстрелов.

Э-э, так дело не пойдет, сказал я сам себе, надо выбрать какого-нибудь спортсмена и следить за ним. Только вот кого выбрать? В это время судья объявил по радио: «Стартует номер двадцать второй, ученик восьмого класса сто шестьдесят девятой школы, Игорь Никоненко, год рождения — шестьдесят первый, спортивный разряд — второй». И я увидел худенького мальчишку с конопатым носом, напряженный взгляд его распахнутых глаз и решил: вот за него и побоем.

Судья дал знак, и мой 22-й рванулся вперед и вверх. Он шел уверенно и легко. Я обрадовался за него и побежал напрямик к стрельбищу. Спортсмены подкатывали туда один за другим, срывали винтовки с плеч и, быстро прицелившись, мягко нажимали спуск.

Я посмотрел на мишени, они едва виднелись на щитах и казались неестественно маленькими. Я пошел справиться об успехах фаворитов, Еремина и Березкина, и узнал, что их дела не очень-то хороши — бегут неплохо, но стреляют так себе. Вот она, суть биатлона: скорость и точность тут взаимосвязаны. Поговорка «Поспешишь — людей насмешишь» будто специально создана об этом виде спорта. Но парадокс как раз в том, что и не поспешишь — тоже людей насмешишь. Время-то не ждет, торопит. Поэтому, когда появился Игорь Никоненко, я твердил про себя: «Не спеши, милый, успокой дыхание». И он будто слышал меня, спокойно так устроился на снегу, глубоко вздохнул, выдохнул пару раз и прижался щекой к прикладу. «Теперь быстрее, не тужи, вот уже другие подходят», — шептал я. И один за другим застучали выстрелы. Игорь быстро вскочил, забросил винтовку за спину, помчался на второй

Последние советы тренера.

Рыцари лыжни и винтовки.

круг, а я остался переживать: оказалось, у него два промаха... Но есть и хуже, успокаивал я себя, все еще впереди. Два круга гонки и стрельба стоя многое могут изменить... Но, увы, на втором рубеже Игорь сделал три промаха, и я понял, что победу сегодня нам не праздновать. Ну, что же, придется подождать...

— Вот он, победитель, — громко сказал тренер Осташов, про-

вожая взглядом спортсмена в красном костюме, уходящего на последний круг. — Он стрелял на обоих рубежах без промаха, догнать его некому. Тоже воспитанник нашей школы перворазрядник Володя Гладылин.

Ну, а мне осталось лишь одно утешение: как оказалось, тренеры тоже ошибаются...

Новосибирск

в жесткую схему теорий и догм. Крикливые манифесты забываются, талантливые стихи остаются, и изучать нужно поэзию, а не ложные декларации и программы», — пишет Владимир Орлов в книге «Перепутья», имеющей подзаголовок: «Из истории русской поэзии начала XX века». Было интересно открыть эту книгу, написанную крупнейшим исследователем творчества А. Блока, литературоведом, так много сделавшим для утверждения в наши дни поэтического наследия художников рубежа двух эпох.

Автор поставил перед собой непростую задачу. В первом очерке, «Минувший день», он пишет о творческой судьбе десяти поэтов начала века, стремясь к созданию как можно более емкой картины литературной жизни эпохи. Отдельные большие очерки посвящены в книге Марине Цветаевой, жизни и поэзии Константина Бальмонта, урокам Александра Блока.

Символизм — сложное, представленное значительным кругом лиц течение, поучительно отражалось в своем развитии головокругительные противоречия жизни России в начале XX века. Русско-японская война, 1905 год, реакция, последовавшая за разгромом революции, империалистическая война, Октябрь — все эти события

так или иначе отразились в эволюции символизма. Сейчас, рассматривая в исторической перспективе русское искусство начала века, думая о судьбах художников того периода, мы можем уверенно сказать, что многие из них стремились освободиться от пут индивидуализма, искали выход к широкой общечеловечности. Лучшие тому примеры — путь Блока и путь Брюсова, стоявших у истоков советской поэзии, связавших своим творчеством русскую классическую литературу с литературой социалистического реализма.

Конечно, далеко не все равноценно в творчестве символистов, далеко не все пережило время. Например, из огромного наследия Бальмонта составители отобрали всего один том, вышедший в «Библиотеке поэта», «но это настоящие стихи», с полным основанием написал В. Орлов.

Неравномерность, неравнозначность творчества поэтов рубежа века подтверждает и судьба Андрея Белого. Говоря о поэзии этого «воинствующего» символиста, В. Орлов останавливается на неоконченной для Белого книге «Пепел», которая обеспечила за ним «особое место в русской поэзии начала нашего века». Некрасовские мотивы звучат в написанных в 1904 — 1908 годах стихах этой

книги, печаль которой была обусловлена невольным пессимизмом, рождающимся из взгляда на современную Россию. Орлов пишет о непростом жизненном и творческом пути Белого, «художника большого и неповторимо оригинального таланта», неотъемлемого от русской художественной культуры начала XX века. Именно в контексте всей художественной культуры, в непосредственной связи с историей, с жизнью и развитием общества, анализирует Орлов работу различных поэтов. И это придает его книге необходимую цельность и завершенность.

Очень содержателен разговор, который ведет В. Орлов о творчестве одного из самых тонких лириков начала XX века, Иннокентия Анненского, удивительного поэта, успевшего выпустить при жизни единственный стихотворный сборник «Тихие песни». В интересных страницах, которые посвящены И. Анненскому, пожалуй, наиболее важны те, где исследователь говорит о различии поэзии этого прекрасного лирика и творчества декадентов. «Анненский в величайшей мере обладал тем, чего нечасто были лишены его соседи по литературе, — чело-вечностью», — пишет автор, имея в виду акмеистов, называвших Анненского своим учителем.

Вл. Орлов, конечно, не случайно заключает книгу очерком об Александре Блоке. Путь Блока совершенно ясно свидетельствует, что как бы ни было ограничено творческое сознание художника рамками навыков и традиций, в которых формировалась его личность, истинный художник находит силы к преодолению своей ограниченности, к выходу из искусственной среды в мир борьбы, настоящей жизни и свободы.

Но вспомним слова того же Блока: «Писатель — растение многолетнее... Душа писателя расширяется и развивается периодами, а творения его — только внешние результаты подзема роста души. Поэтому путь развития может представлять прямой только в перспективе, следуя же за писателем по всем этапам пути, не ощущаешь этой прямоты и неуклонности вследствие постоянных остановок и искривлений». Владимир Орлов уверенно прошел по лабиринтам путей и перепутья, следуя за писателями, жившими и работавшими во времена великих исторических потрясений, и сумел в своей книге глубоко и правдиво рассказать о сложной судьбе русской поэзии начала XX века.

В. ЕНИШЕРЛОВ

Стихи для детей

Людмила
ЖЕЛНИНА

ЕЛОЧКА

Смотрит елочка
Сквозь слезы
На нарядные
Березы:
Осень приходила,
Платья подарила —
Золотистые,
Лучистые,
Солнечные.

А когда трещат
Морозы,
Прсят жалобно
Березы:
— Нам согреться дайте
Елочино платье,
Зеленое,
Смоленое,
Игольчатое.

ШАПКА-НЕВИДИМКА

Как-то рыжая лисица
Осторожно в дверь стучится:
— Здесь волшебный магазин?
— Здесь!
— Шапки-невидимки есть?
— Есть!
— Мне нужна всего одна...
— Да зачем тебе она?
— Незаметной стану я
Для собак и для ружья,
Буду в шапке-невидимке
По любой гулять тропинке!

ВЕСЕННЕЕ

Весеннее кипение,
У птиц — уроки пения,
У волка — час охоты,

У мишки — день зевоты
После зимней спячки...

А у нас — задачки,
Диктанты, упражнения,
Но в эти дни весенние
Мы на уроках в школе
Мечтаем о футболе,
О горнах на рассвете,
О лагере, о лете.

В АПРЕЛЕ

Длинноногая сосна
В теплый день проснулась
И, стряхнув остатки сна,
К солнцу потянулась:
— Очень долго я спала,
А земля белым-бела,
Неужели снова холод,
Снова вьюга замела?

Отвечает ей Апрель:
— Не дрожи напрасно,
Эта белая метель
Вовсе не опасна,
Не замерзнешь нынче ты,
Посмотри-ка с высоты:
На поляне не снежинки,
А подснежники — цветы.

НЕ ЗАМЕЧАЛ ЛИ ТЫ?

Не замечал ли ты?
Домá не любят темноты,
Пускай закат давно погас,
Сверкают окна в поздний час.

Не замечал ли ты,
Что улицы не любят темноты?
На них до утренней зари
Горят ночные фонари.

Не замечал ли ты?
Не любит небо темноты:
Сияют звезды и луна,
И тихо все, и ночь ясна.

КОВЕР

Наступаю я неслышно
На ковер зеленый, пышный.
Всю поляну занял он,
Это мох, кукушкин лен.
Я кричу:
— Эгей, кукушка,
Беззаботная болтушка!
Посмотри-ка,
Сколько льна,
Наткала бы полотна,
Чтобы кукушонку
Вышла распашонка!

ФЕДОТ И ОГОРОД

Огород не на запоре,
Все равно дыра в заборе.

Где морковь сидела в ряд,
Только хвостики лежат.

Потеряв цветущий вид,
Ключьями горох висит.

Что здесь было? Может, бой?
Шли слоны на водопой?

Почему все грядки
Смяты в беспорядке?

Нет, не бой и не слоны
Из далекой стороны.
Просто этот огород
Любит лакомка Федот.

ПРО ЗАЙЦА

Белки зайца подхватили,
На березу посадили,
И от страха чуть живой
Плачет наверху косою.
Волк сказал:
— Смелее падай,
Если что — я буду рядом...
— Нет, я не хочу попасть
В волчьи лапы,
В волчью пасть...
Стало зайчика мне жалко,
Я нашел большую палку,
Волка серого прогнал,
Зайка — прыг! — и убежал.

ОЗОРНИК

По домам уходят дети,
Прилетает летний ветер,
Он играет на площадке
До рассвета «В беспорядки».
Обломил у клена ветку,
Опрокинул стул в беседке,
Разбросал везде бумажки,
Сдул жука с большой ромашки!
Утром дворник появился,
Он притих, угомонился,
И умчался вмиг
Ветер-озорник.

Николай ЕЛИН,
Владимир КАШАЕВ

БУКЕТ

Цветы на рынке были дороги,
как голы в футбольном чемпионате.
Ну, что ж! Тем лучше! Мне для
Наташи ничего не жалко. Я не ка-
кой-нибудь там Кичкин, который
раз в неделю дарит ей по три цве-
точка. Дарить так дарить!

— Почему? — осведомился я у
старушки, которая стояла с рос-
кошным букетом в руках.
— Три рубля, — заискивающе
улыбнулась она.
— Заверните, — сказал я, доста-
вая кошелек. Мне было приятно,

что я утру нос этому надутому
Кичкину. Он никогда бы не отва-
лил за цветы трешку! Пожалел
бы... А может, и не пожалел...
Нет, надо быть объективным. Три
рубля он, пожалуй, еще смог бы
заплатить...

— А этот букет сколько сто-
ит? — спросил я у старушки.
— Этот — два с полтиной...
— Соедините в один, — распоря-
дился я.

«Вот так-то, Кичкин! Уж пять с
полтиной ты для любимой женщи-
ны ни за что бы не потратил! Раз-
ве только с премии... Ну, ладно,
черт с тобой! Я тебе докажу!»

— А ваши сколько? — повернул-
ся я к небритому мужчине с гла-
диолусами.

— Полтора рубля штука.
— Ого! А по рублю двадцать?
— Не-е, — покачал он головой.
— Рубль тридцать, — набавил я.
— Если только все сразу возь-
мешь... — заколебался он.
— А сколько их у вас?
— Десять штук.
— Это значит... тринадцать руб-
лей?!

«Вот это да-а! Тринадцать да
пять с полтиной — это ж получает-

ся восемнадцать пятьдесят! Подо-
нок ты, Кичкин! Крохобор! Уж это-
го ты никогда бы себе не позво-
лил, голову даю на отсечение!»

— Заверните все вместе! — как
ни в чем не бывало сказал я и
принялся отсчитывать деньги.
Мужчина протянул мне огромный
красавец букет. Я взял его в ру-
ки, понюхал и, еле сдерживая ли-
кование, улыбнулся.

«Что, Кичкин, съел?! Способен
ты на такой поступок?! То-то! Си-
ди теперь и не рыпайся!»

Я еще раз понюхал букет и про-
тянул его обратно небритому про-
давцу:

— Возьмите ваши цветы. Спаси-
бо!

— Зачем это? — не понял он. —
Вы мне деньги дадите...

— Ах, деньги! Да нет, покупать
я не буду... Мне важно было себе
доказать, на что я способен. Глав-
ное, я этому скряге Кичкину нос
утер!

Я спрятал в карман восемна-
дцать рублей, на полтинник купил
Наташе букетик васильков и, до-
вольный, зашагал к любимой. В
конце концов не в деньгах
счастье...

«ПОХИЩЕНИЕ ЛУНЫ»

Современная опера... Какие темы затрагивает она, какие ставит проблемы?.. Москвичи помнят совсем недавний спектакль К. Молчанова «Зори здесь тихие» — о героическом подвиге народа в Великой Отечественной войне. К 60-летию юбилею Октября Большой театр подготовил еще одну современную оперу — «Похищение луны» грузинского композитора Отара Тактакишвили (по одноименному роману К. Гамсахурдия) — о первых годах революции в отдаленных уголках Грузии, о людских судьбах, втянутых в водоворот борьбы.

Уже первые звуки увертюры захватывают драматизмом, глубоким и ярким содержанием. Чувствуется рука композитора-мастера, сочетающего и классические и лучшие национальные традиции. Особую, и очень важную, роль в опере играет уходящее корнями в глубь веков народное грузинское хоровое пение. Решающими в развитии действия являются массовые сцены с их ярко выраженным, живым колоритом.

В полной гармонии с музыкой — великолепные декорации заслуженного художника РСФСР В. Левенталля. И сабли, громогласия, как ласточкины гнезда, на каменной круче, и небогатое убранство жилищ горцев — все декорации, подвижные и взаимопревращающиеся, удивляют одновременно и своей сложностью и простотой, — они на редкость выразительны.

Успеху оперы немало способствовали исполнители. Народный артист Грузинской ССР З. Соткилава, исполняющий роль комсомольца Арзакана, запоминается зрителям острой психологической трактовкой образа. Другой главный герой — Тараш, побратим Арзакана — в исполнении И. Морозова, с его красивым гибким голосом, имеет своеобразное актерское прочтение; это образ многоплановый. Особых исполнительских высот голос певца достигает в лирических дуэтах с Тамар, светло и искренне сыгранной замуженной артисткой РСФСР М. Касрашвили. Певца передает душевную муку героини, ее несчастливую любовь; удивительным лиризмом проникнута вся партия. Думается, дуэты Тамар с Тарашем относятся к лучшим моментам оперы.

И, наконец, роли, разные по своему рисунку, характеру, но равные по великолепному вокальному и актерскому искусству: Звамбай, отец Арзакана, — народный артист СССР Е. Нестеренко и Таризел, отец Тамар, — народный артист СССР А. Огивцев.

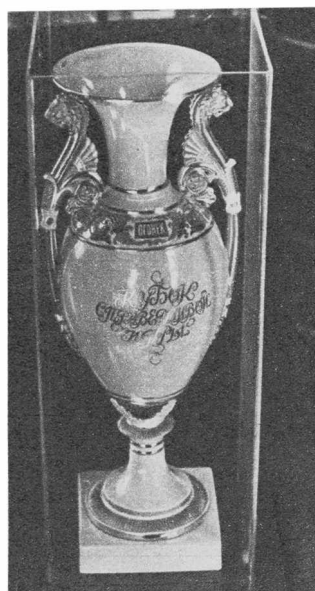
А. ЗВЯГИНА

Тамар — М. Касрашвили. Тараш — И. Морозов.

Фото Г. Соловьева

НОВАЯ СТРОКА

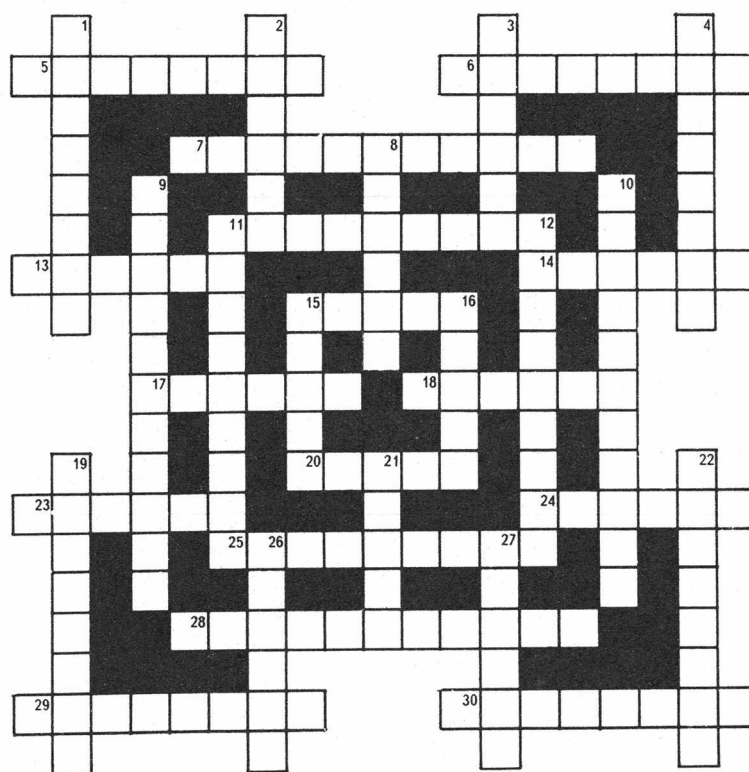
На белоснежной фарфоровой вазе появилась седьмая строка: «Динамо» (Москва).

Команда, получившая серебряные медали на чемпионате СССР по хоккею с шайбой, завоевала переходящий «Приз справедливой игры», учрежденный редакцией журнала «Огонек» семь лет назад. Дважды этот приз вручался армейским хоккеистам, дважды спартаковцам и по одному разу побывал у команд «Крылья Советов» и «Торпедо».

Как определяется победитель «Приза справедливой игры»? Почему армейские хоккеисты, завоевавшие золотые медали, не смогли в третий раз получить этот почетный трофей? Для этого команде ЦСКА надо было не только забросить как можно больше шайб, но и получить как можно меньше штрафных минут. Армейцам это оказалось не по силам.

Перед началом чемпионата страны каждая команда получает по 200 условных очков, к которым по ходу игр приписываются штрафные минуты и вычитаются забитые шайбы. Когда чемпионат страны закончился, стало известно, что лучшей суммой добились московские динамовцы — 272 очка (200 плюс 247 минус 175). Армейцы проиграли немного — всего 12 очков, у них на 45 шайб забито больше, но и штрафных минут оказалось 304.

Да, московские динамовцы в нынешнем сезоне самые коррумпированные. И если бы мы снова усадили на скамью штрафников двенадцать самых постыдных ее посетителей, то не нашли бы среди них ни одного динамовского хоккеиста. Сейчас, когда в нашем хоккее идет серьезная борьба с «грязной» игрой, справедливые действия динамовцев заслуживают всякой похвалы и редакция с радостью поздравляет их с почетным призом.

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Изображение одним письменным знаком двух и более букв. 6. Опера Ф. Бузони. 7. Наука о птицах. 11. Струнный инструмент. 13. Административный центр префектуры Японии. 14. Русский флотоводец, адмирал. 15. Подвесное ложе. 17. Строфа в восемь стихов. 18. Рыба семейства карповых. 20. Драгоценный камень. 23. Орешник. 24. Порт на Енисее. 25. Материк. 28. Картина Ж. Лиотара. 29. Часть удочки. 30. Снаряжение военнослужащего.

По вертикали: 1. Роман Д. Олдриджа. 2. Сплав меди с различными элементами. 3. Крытая повозка. 4. Танец. 8. Рамка для патронов. 9. Город в Туркменской ССР. 10. Спортивные состязания. 11. Сельскохозяйственная машина. 12. Зал для чтения лекций, докладов. 15. Местная разновидность общенародного языка. 16. Украшение. 19. Советский писатель. 21. Накидка из тонкого войлока. 22. Жанр древнерусской литературы. 26. Отрезок определенной длины и направления. 27. Оборот речи, не переводимый дословно на другой язык.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 14

По горизонтали: 6. Козетта. 7. Борода. 8. Модель. 9. Гигрометр. 11. Курбе. 13. Офорт. 15. Кокос. 17. Тепловоз. 18. Печатник. 20. Карта. 21. Табло. 23. Евлах. 25. Полуулав. 28. «Бруски». 29. Тополь. 30. Комната.

По вертикали: 1. Фарфор. 2. Окапи. 3. Кедровка. 4. Шамот. 5. Кресло. 9. Гелиотроп. 10. «Рославлев». 12. Уклейка. 14. «Родинка». 15. Кюск. 16. Сфера. 19. Аргумент. 22. Батуми. 24. Локоть. 26. Оникс. 27. «Антар».

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Музыканты, художники и артисты балета начинают свой путь в школе искусств имени Чюрлениса. (См. в номере очерк «Дорога Чюрлениса».)

Фото М. Савина

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Весна.

Фото Б. Раскина
(На фотоконкурс Москва)

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. СЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. И. БУДКИНОЙ.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Научи и техники — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 21/III — 1977 г. А 00326. Подп. к печ. 5/IV — 1977 г. Формат 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 954. Тираж 2 070 000 экз. Заказ № 305.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Фото
В. МАТВЕЕВА

Подошла весна к околице, налетели упругие и влажные ветры. Припекает солнце, и настужь открылась земля. Она еще не омыта дождем, еще пылит пожухлой, прошлогодней травой, но уже зовет живым, сырым ароматом пашни.

Мальчишки первыми осваивают новые весенние пространства. Тонкий бакный дымок в пронзительно свежем воздухе. Освободившаяся ото льда, еще пуста и широка река. Волнующие запахи, обещание свободы!..

А потом темно-зеленые, острые листья молодой крапивы у просыхающих, блестящих на солнце поленищ дров. Выпущен на волю, на первую травку скот. Вот она, весенняя страда! И обжигающая радость — бегом босиком от дома до дома. Солнце в глазах, на голых руках, во всем обновленном мире.

Автор этих снимков — москвич, врач-хирург, он прошел войну и сейчас продолжает ежедневную борьбу с болью и страданиями. Он знает цену весенним мгновениям жизни!

**УТРО
ГОДА**

Цена номера 35 коп.

Индикс 70663